

Monumental Stone Sculptures, Steles, Crosses in the North Caucasus and Some Questions of Their Typology

Aleksander L. Potravnov¹, & Tatyana Y. Khmel'nik²

Independent researcher; Regionavtica project. Saint Petersburg, Russia

Received: 24 February 2025 | Revised: 30 July 2025 | Accepted: 6 August 2025

Abstract

A significant number of monumental stone objects (stone crosses, anthropomorphic and cruciform steles, sculptures, etc.) have been preserved in the North Caucasus and are regarded as an integral part of the local historical and cultural landscape. The article is devoted to a generalized typological study of these objects, without explicit emphasis on religious and ethnic affiliation. Such an approach to the study of monumental objects makes it possible not only to identify the vectors of cultural influence in the local territories under study, but also, in some cases, to partially fill in the lost cultural and historical context. Based on the results of numerous field studies in the North Caucasus and a number of other regions, as well as previously published materials on the subject, the authors identify several features of the development of the forms of these monuments and propose clarifications to their typology. Conclusions are drawn about the probability of an independent genesis of the objects under consideration (anthropomorphic sculptures, stone crosses, and anthropomorphic steles) and the presence of intra-group evolution among them, with the emergence of various subgroups and types. The article also proposes a broader model for the formation of these objects of monumental stone art in the North Caucasus, and the most stable group of monuments, which can be traced for several millennia, is identified.

Keywords

Anthropomorphic Sculptures; Anthropomorphic Steles; Stone Crosses; Cruciform Steles; North Caucasus; Monumental Monuments; Chechnya; Ingushetia; Dagestan; Kabardino-Balkaria

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: canonir7[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0006-6771-2186>

2 Email: regionavtica[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0002-5853-7575>

Монументальные каменные изваяния, стелы, кресты на Северном Кавказе и некоторые вопросы их типологии

Потравнов Александр Леонидович¹, Хмельник Татьяна Юрьевна²

Независимый исследователь; Проект Регионавтика. Санкт-Петербург, Россия

Рукопись получена: 24 февраля 2025 | Пересмотрена: 30 июля 2025 | Принята: 6 августа 2025

Аннотация

На территории Северного Кавказа сохранилось значительное количество монументальных каменных объектов (каменных крестов, антропоморфных и крестообразных стел, изваяний и т.д.), которые воспринимаются как неотъемлемая часть местного историко-культурного ландшафта. Статья посвящена их обобщённому типологическому изучению без явного акцента на религиозную и этническую принадлежность. Подобный подход к изучению монументальных объектов позволяет не только выявлять направление векторов культурного влияния на рассматриваемых локальных территориях, но и в некоторых случаях частично восполнять утраченный культурно-исторический контекст. По результатам многочисленных полевых исследований на Северном Кавказе и в ряде других регионов, а также изучения ранее опубликованных по данной тематике материалов, авторы выделяют несколько особенностей развития формообразования этих памятников и предлагают уточнения к их типологии. Делаются выводы о вероятности самостоятельного генезиса рассматриваемых объектов (антропоморфные изваяния, каменные кресты и антропоморфные стелы) и о наличии среди них внутригрупповой эволюции с возникновением различных подгрупп и типов. Предлагается вариант укрупнённой модели формообразования рассматриваемых объектов каменного монументального искусства на территории Северного Кавказа, а также определена наиболее устойчивая группа монументальных памятников, прослеживаемая на протяжении нескольких тысячелетий.

Ключевые слова

антропоморфные изваяния; антропоморфные стелы; каменные кресты; крестообразные стелы; Северный Кавказ; монументальные памятники; Чечня; Ингушетия; Дагестан; Кабардино-Балкария

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0](#)

1 Email: canonir7[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0006-6771-2186>

2 Email: regionavtica[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0002-5853-7575>

Введение

На Северном Кавказе за последние 2–2,5 тысячи лет происходили неоднократные изменения культурно-исторического контекста (миграции населения, военные завоевания, смены религиозных парадигм и т.д.) разного уровня масштабности. Одними из свидетелей этих процессов вполне закономерно можно считать различные монументальные памятники, сохранившиеся практически на всей территории региона. Неудивительно, что историческим монументальным каменным памятникам Северного Кавказа на протяжении последних 150 лет уделялось значительное внимание в целом ряде публикаций. В ряде работ эти артефакты рассматривались как археологические объекты (Миллер, 1888, 1893; Атаев, 1959; Марковин, 1963; Чеченов, 1973, 1987; и др.), памятники религиозных культов (Прозрителев, 1906; Мужухоев, 1977; Ложкин & Малахов, 1998; Малахов & Нарожный, 1997; Малахов, 2021; Кузнецов, 2002; Потравнов & Хмельник, 2023; и др.), часть народного искусства этносов, населяющих локальные территории (Дебиров, 1966; Марковин & Мунчаев, 1964; Марковин, 1972, 1994; Кузнецова, 1982; Базоркин, 1964; и др.) или часть культуры этносов (народов) в определённый исторический период (Ольховский & Евдокимов, 1994; Плетнева, 1974; и др.). При более детальном изучении этих работ становится очевидно, что в большинстве случаев описанные типы и виды памятников не учитывали всё многообразие встречающихся на Северном Кавказе форм, поскольку отражали только те объекты, которые попадали в различные ограничительные рамки (по территории, временному периоду, религиозной или этнической принадлежности). Так, например, П. М. Дебиров, признавая многообразие форм резных намогильных памятников мусульманского периода, выделил всего три типа надгробий: сундукообразные, стеловидные и антропоморфные (1966, с. 34). При этом, вполне возможно, что в рамках своей работы, посвящённой каменной резьбе Дагестана, автор не ставил перед собой задачи разработки полноценной типологии всего разнообразия намогильных памятников, ограничившись только их частью (резные, мусульманские). В. И. Марковин в небольшой статье, посвящённой дагестанским стелам, во-первых, критикует П. М. Дебирову, обращая внимание на то, что «стелой обычно именуется вертикально стоящий камень любой формы» (1972, с. 25), во-вторых, выделяет как минимум четыре вида: антропоморфные; стелы с округлой, стрельчатой или многолопастной формой верха; узкие прямоугольные плиты; зооморфные и необработанные плиты различных форм (1972, с. 25–27). А. Я. Кузнецова в своей работе «Народное искусство карачаевцев и балкарцев» (Кузнецова, 1982) выделила уже пять видов форм намогильных памятников: обычные стеловидные, антропоморфные, крестообразные, брусковые и промежуточные. М. Б. Мужухоев в своей работе об эволюции антропоморфных стел раннемусульманских могильников

Чечено-Ингушетии выделил среди них 4 типа, учётом временной шкалы (1 тип — самый старый, 4 тип — наиболее поздний) (1977, с. 298).

При внимательном изучении вышеуказанных работ, мы столкнулись с рядом, на наш взгляд, неоднозначных выводов в отношении некоторых видов монументальных каменных памятников Северного Кавказа. В результате, именно совокупность разносторонних взглядов и спорных тезисов, касающихся близких по смыслу и внешнему виду монументальных объектов — антропоморфных изваяний и стел, каменных крестов и крестообразных стел, — послужила основанием для их более пристального рассмотрения. В условиях повышенного интереса полиэтнического населения Северного Кавказа к своей локальной истории, религиозным практикам и этнографическим традициям, изучение монументальных каменных объектов, являющихся аутентичными объектами сложившегося сакрального ландшафта, становится важным элементом объективного историко-культурного познания рассматриваемой территории.

О проблематике

Прежде всего отметим, что, по нашему мнению, изучение типологии монументальных памятников, их религиозной и этнической принадлежности, вопросов генезиса и эволюции, а также разнообразия форм и типов не должно ограничиваться локальными территориями. В ходе своих исследований ряда подобных объектов в Северной и Восточной Европе мы столкнулись не только с аналогичными проблемами, но и с весьма схожими по внешнему виду памятниками. В связи с этим мы предлагаем взглянуть на изучение монументальных памятников Северного Кавказа с учётом дополнительных сведений.

Например, утверждения о том, что некоторые каменные кресты являются языческими антропоморфными изваяниями, их ещё иногда называют идолами (каменными бабами, болванами, истуканами и т.д.), встречаются в научных и околонаучных публикациях на протяжении уже более века. География распространения упоминаемых в этих работах объектов весьма обширна: Белоруссия, Псковская, Смоленская, Ленинградская и Калужская области, Северный Кавказ — Чеченская Республика и Республика Ингушетия. В этих публикациях для обозначения весьма схожих объектов встречаются разные термины: каменные кресты, крестообразные и антропоморфные стелы, памятники, идолы, болваны и т.д.

Так, например, В. А. Кузнецов в книге «Христианство на Северном Кавказе до XV в.» пишет:

«Возможно, часть каменных крестов около Чахкиринского аула с киотом для иконы, действительно принадлежит к кругу христианских древностей (но этот памятник не опубликован, судьба его неизвестна). Однако другие памятники, исследователями считавшиеся крестами, таковыми не являются.... М.Б. Мужухоев вполне обоснованно считает их антропоморфными памятниками

над раннемусульманскими захоронениями и пережитком язычества в исламе» (2002, с. 118).

В свою очередь, М.Б. Мужухоев на основе изучения материалов по шести могильникам Чечни предложил свое видение эволюции антропоморфных стел раннемусульманских могильников (1977, с. 298–299). В описании 1 типа указано:

«Несмотря на сильную стилизацию, уже в этой группе стел усматривается антропоморфность. Так боковые выступы находятся в верхней части плиты (“плечи”). Особенно напоминают фигуру человека стелы, имеющие значительную высоту» (1977, с. 299).

При всем уважении к автору, трудно представить себе человеческую фигуру с такими плечами, как указано в ряде его примеров. Мы, в свою очередь, в таких объектах видим прежде всего образ креста, а не человека. Кроме того, исходя из текста указанной статьи, можно сделать вывод: автор не считает эти объекты крестами лишь по той причине, что не обнаружил на них, ни в захоронениях под ними или рядом с ними однозначных подтверждений христианского культа: «Расположенная рядом с языческой гробницей антропоморфная каменная стела не может рассматриваться как памятник христианства» (1977, с. 300).

Такой максимализм автора в данном вопросе, на наш взгляд, не оправдан, поскольку, во-первых, он не учитывает различные отклонения от традиционных представлений о нормах христианского погребального обряда, встречающиеся в разных местностях, во-вторых, он не учитывает возможность вторичного использования (перемещения) ранее созданных объектов. Более того, датировка, указанная М. Б. Мужухоевым в качестве аргумента, полуподземного склепа и, возможно, каменного креста не противоречит сведениям о наличии христианских объектов на территории современной Ингушетии до XIII в. (например, храм Тхаба-Ерды VIII–X вв.), где также был обнаружен каменный крест.

В связи с этим мы полагаем необходимым учитывать, что при переходе от язычества к христианству погребальный обряд не менялся одномоментно. Иными словами, на протяжении достаточно длительного времени (иногда даже сотен лет) использовались элементы старых, языческих, погребальных традиций и новых, христианских. На такую возможность при развитии обрядов и ритуалов, обращал внимание и Виктор Тэрнер:

«Поскольку общества – не застывшие структуры, а процессы, отзывающиеся на перемены, то в них возникают или заимствуются новые ритуалы, а старые хиреют и исчезают. Тем не менее в этом потоке постоянных изменений, новых поводов для ритуалов, даже новых ритуальных конфигураций сохраняются формы, которые чаще принимают вид вариантов старого, чем радикальной новизны» (1983, с. 33).

Поэтому в средневековый период, например, можно было встретить каменные кресты на весьма нехарактерных для «традиционного христианства» погребениях: на курганах (сопках) на территориях современной Тверской

области (Комаров & Ёлкина, 1976), Новгородской и Псковской земель (Спицын, 1903, с. 206), Северного Кавказа (Скржинская, 1971, с. 138), в виде изображения на «дольмене» (дольменообразный склеп) около Лесо-Кяфарского городища (Охонько, 2021). Аналогичная ситуация, судя по всему, происходила и в ходе распространения ислама в горной части Северного Кавказа.

В связи с этим, когда при обследовании захоронения встречаются атрибуты разных религиозных верований, делать однозначные выводы об отнесении всех элементов исключительно к одной традиции, на наш взгляд, не всегда корректно. По этим причинам мы полагаем, что внешний вид намогильных объектов не всегда служит гарантированным идентификатором однозначного вероисповедания захороненного лица, особенно в удалённых от религиозных центров местах да ещё в условиях религиозного синкретизма. Полагаем, что в подобных условиях эти монументальные памятники вполне подходят на роль знаков, стоящих на границе сакрального и профанного миров, являясь неотъемлемой частью различных ритуалов. Одним из возможных путей к пониманию их использования может послужить теория ван Геннепа, в которой рассматриваются обряды перехода (Геннеп, 1999).

С другой стороны, при первом приближении точка зрения В. И. Марковина выглядит весьма аргументированной, поскольку в своей работе он приводит результаты раскопок, в ходе которых было выявлено, что под некоторыми крестообразными стелами находились раннемусульманские захоронения — трупоположения по линии восток—запад, лежащие на спине, головой на запад и слегка повернутые набок, так чтобы лицо было обращено на юг, с устроенным в могиле подбоем («лахът»), прикрытым плитами («упха») (1963, с. 277). Исходя из этого, Владимир Иванович делает вывод, что «...“кресты” типа памятника у Нихалоя – это упрощённые антропоморфные стелы, установленные над мусульманскими захоронениями. По аналогии с дагестанскими памятниками могут датироваться даже XVIII–началом XIX вв.» (1963, с. 277). Принимая предложенную интерпретацию религиозной принадлежности захоронения за факт, мы, тем не менее, хотим обратить внимание на то, что могилы с подбоем, который закрывался каменной плитой (заклад), на Северном Кавказе были известны и до начала исповедования ислама. Однако, как мы полагаем, в этом случае в одну группу объединяются антропоморфные и крестообразные стелы, а также каменные кресты, что объясняется некой «стилизацией» (1963, с. 277). Иными словами, если следовать этой логике, эволюция антропоморфных изваяний на могилах Чечни направлена от очень «стилизированных» крестообразных образов в древности до фигур, явно напоминающих человека (с плечами, но без рук), в достаточно поздний период. Тогда возникает вопрос: к какому периоду, по отношению к этим стелам и крестам, надо отнести антропоморфные изваяния, у которых ярко выражены человеческие черты (лицо, руки, волосы и т.д.), и почему к поздним (XIX, XX вв.) антропоморфным памятникам относятся объекты, которые по своему описанию схожие с древними (IV до н.э.

— III в. н.э.) скифскими стелами, найденными на территории Чечни? Почему при рассмотрении эволюции форм надгробных стел заранее исключаются иные варианты, а граница исследования ограничена небольшим регионом? Мы считаем подобный подход к рассмотрению такого сложного вопроса весьма ограниченным, поскольку выводы необходимо делать на основе анализа более значительного количества исходных данных, с учётом территорий, подверженных взаимному культурному влиянию. Аналогичное мнение высказывалось и ранее, например, в работе В. Б. Виноградова: «Культовые памятники обоих склонов Большого Кавказа имеют много сходного и нуждающегося в осмыслении, невозможном на уровне узколокальных исследований, которые сегодня преобладают» (1977, с. 64).

Таким образом, рассматривая каменные монументальные памятники как одну из разновидностей ритуальных символов народов Северного Кавказа, логично предположить не только наличие определённой преемственности их внешнего облика на протяжении длительного времени, но и появление новых, не зависящих от прежних традиций, образцов монументального искусства. В этой связи в качестве цели настоящего исследования было выбрано обобщённое типологическое изучение схожих по своей базовой форме разновременных монументальных объектов, обнаруженных на Северном Кавказе: антропоморфные изваяния и стелы, каменные кресты и крестообразные стелы. Исследование основывается на анализе результатов собственных полевых обследований местности в 2014–2024 гг. и сведений из ранее опубликованных материалов других авторов.

О некоторых вопросах по типологии монументальных памятников

Особенности монументальных каменных объектов накладывают вполне определённые ограничения на методологические подходы к их изучению. Если главной задачей исследования является классификация объектов с целью систематизации их дальнейшего учёта, то можно разделять объекты по целому ряду отличительных признаков, например, по используемому исходному материалу (гранит, песчаник, туф, известняк, сланец и др.), габаритам (высота, ширина, толщина), количеству отростков или выпуклостей и т.д. Но такой подход не учитывает всей специфики культуры изготовления и применения указанных объектов на значительных территориях. Для изучения памятника очень важно знать, из какого материала он сделан, поскольку эти данные позволяют локализовать (с рядом допущений) место изготовления объекта. Особенно это необходимо в тех случаях, когда артефакты перемещались на значительные расстояния. Но мы должны понимать, что исходный материал на конкретной территории практически не менялся на протяжении столетий. Поэтому сведения о материале не позволяют в полной мере сравнивать объекты, созданные, в частности, на одной и той же территории,

но в разное время. Использование размеров монументальных объектов в качестве основного критерия также представляется неудачным, поскольку габариты памятника часто связаны как с объективными свойствами исходного материала (трещиноватость, слоистость и пр.), так и с индивидуальными особенностями заказчика (обеспеченность, месторасположение и т.д.). Другие подходы, основанные на делении объектов по функциональному назначению или религиозной/этнической принадлежности, во многих случаях могут носить субъективный и порой мифологизированный характер, поскольку зачастую основываются на значительных допущениях и этнографических предпочтениях.

Учитывая вышесказанное, на примерах различных монументальных объектов (каменных крестов, антропоморфных стел и т.д.) Северного Кавказа и других европейских территорий мы предлагаем, во-первых, рассмотреть, какие явные различия существуют между такими объектами, как каменные кресты, крестообразные и антропоморфные стелы, во-вторых, выявить, существуют ли какие-либо зависимости и взаимосвязи между ними и, в-третьих, по возможности, разобраться в возможных причинах появления таких зависимостей. Такой подход даёт возможность группировать объекты, исходя из главного критерия, которым обладают все монументальные памятники без исключения, — видимая стороннему наблюдателю внешняя форма. Затем в ходе уточнения типологии на уровне групп, подгрупп, типов, подтипов и т.д. можно учитывать наличие явных и повторяющихся, а не единичных особенностей: формы отдельных элементов, особенностей надписей, изображений, узора, материала, особенностей крепления и т.д. При этом все выявленные места обнаружения объектов, сгруппированных в рамках уточнённой типологии, вносятся в геоинформационную систему с целью визуализации и анализа их географического распределения.

Следующий шаг в изучении — выявление с высокой степенью достоверности датируемых (в достаточно узком диапазоне) монументальных памятников. Подобная датировка возможна при наличии следующих данных:

- дата, вырезанная на объекте. При этом встречаются примеры, когда дата, возможно, вырезана намного позже — в результате вторичного использования;
- на объекте написано имя либо упомянуто событие, которое можно идентифицировать и датировать с высокой степенью вероятности;
- памятник был обнаружен в результате археологических раскопок или реставрации, когда научными методами была определена верхняя граница его размещения в этом месте;
- проведён палеографический или искусствоведческий анализ надписи (изображения), учитывающий всю совокупность факторов, позволяющих минимизировать ошибку в датировке;
- сохранились соответствующие упоминания в документах.

Других методов, которые позволяли бы с высокой степенью достоверности датировать конкретный монументальный памятник, нам пока не известно. Методики, позволяющие определять возраст по следам механической обработки материала или иным характеристикам камня в полевых условиях, на сегодняшний день также нам не известны.

После проведения работы по уточнению типологии монументальных объектов и выявления ряда датированных памятников возможно построить укрупнённую модель их эволюции и векторов формообразования.

Кроме того, в ходе изучения ранее опубликованных материалов выяснилось, что в работах разных авторов используются разные термины для обозначения структурных единиц — типы, виды и т.д. Таким образом, в рамках проводимого исследования различных по своему внешнему облику объектов мы посчитали важным упорядочить не только применение некоторых терминов, но и подход к построению базовой типологии на основе их морфологии. Например, рассматривая монументальные памятники из камня, можно определить на первом (верхнем) уровне группы памятников (изваяния, стелы, кресты и т.д.), на втором — выделить подгруппы, на третьем уровне в каждой группе выделять типы; далее, если это будет необходимо, в каждом типе можно выделять подтипы, варианты и т. д.

Антропоморфные изваяния

Антропоморфные изваяния хорошо известны не только в степях (каменные бабы) Северного Кавказа и Северного Причерноморья, но и в других местностях Европы и Азии, а временной период использования таких артефактов очень широк: как минимум от 3 тыс. до н.э. до XX в. Важно отметить, что на некоторых изваяниях Северного Кавказа были обнаружены изображения 4-конечных крестов явно христианского предназначения (Малахов, 2021, с. 194). При таком широком временном и географическом диапазоне неудивительно, что сохранившиеся каменные изваяния достаточно разнообразны по своей форме. В связи с этим мы полагаем, что для дальнейшего анализа важно формализовать наиболее явные и часто встречающиеся отличия уже на уровне типологии.

Одним из наиболее удачных подходов к этому вопросу мы считаем структуру, предложенную В. С. Ольховским и Г. Л. Евдокимовым в отношении скифских изваяний (1994, с. 7–8). В частности, указанные авторы предлагают считать, что если вырубленному (изваянному) из камня памятнику монументального искусства придана форма человеческого тела, то он считается изваянием, если же такого сходства, по крайней мере явного, нет, памятник именуется стелой, стелообразным изваянием или менгиром. При этом среди изваяний авторы выделяют 5 следующих видов (или в предлагаемой нами терминологии — подгрупп):

- антропоморфная плита: вытянутый прямоугольник, в плане (фас) — прямоугольник либо неправильная фигура, иногда с выступом — «головкой»;
- столб (антропо- либо фалломорфный): сечение близко к кругу, квадрату, овалу; в верхней части нередко выделена голова, конечности скульптурно не моделированы, иногда показаны гравировкой;
- плоская скульптура: в сечении неправильный овал или прямоугольник, в плане человеческая фигура; в отличие от антропоморфной плиты, антропоморфность образа выражена здесь достаточно ярко;
- статуарный рельеф: в сечении прямоугольник, одна из длинных сторон которого (лицевая) криволинейна, рельефна; в плане — человеческая фигура с полным или частичным фоном (задним планом);
- круглая скульптура: наиболее совершенный вид изваяния, в пропорциях и деталях достаточно верно передающий натуру; в разрезе — сложная фигура.

Ещё одно важное дополнение, на которое необходимо обратить внимание. В. С. Ольховский и Г. Л. Евдокимов, кроме указанных выше видов изваяний, предлагают учитывать ещё и «степень воплощения» — полная фигура, полуфигура, бюст и силуэт. В то же время в научной литературе в отношении широкого спектра каменных монументальных памятников, весьма похожих на изваяния, уже достаточно длительное время широко используется термин «антропоморфная стела». Есть ли различие между этим термином и, например, термином «антропоморфная плита», предложенным В. С. Ольховским и Г. Л. Евдокимовым для изучения скифских изваяний? В 1958 г. А. А. Щепинский предложил антропоморфные стелы разделить всего на две группы. Первая — стелы, на которых «...очень схематично переданы только общие очертания головы и туловища, лицо же, руки и другие детали отсутствуют» (1958, с. 145). Стелы второй группы отличаются более тщательной моделировкой верхней части плиты, на которой отчётливо обозначены лицо, руки (или намёк на них), а у некоторых выделены грудь, живот, лопатки и пр. (1958, с. 146). Спустя несколько лет А. А. Формозов в составе эволюционного ряда антропоморфных стел уже выделял как минимум 11 типов, в том числе плиты с выступом головы (№ 3), стелы с обозначением черт лица и рук (№ 5), стелы с обозначением лица, рук и ожерелья (№ 8) и т.д. (1965, с. 179). На наш взгляд, подобная детализация в установлении типов выглядит несколько излишней, особенно с учётом различий в терминологии. Так что вопрос с типологией антропоморфных стел действительно требует более внимательного рассмотрения.

В связи с этим для дальнейшего развития и использования предложенного подхода в отношении более широкого спектра монументальных памятников мы на первом этапе полагаем взять за основу предложенную

Ольховским типологию, уточнить её и расширить. Для этого, во-первых, в рамках группы «Антропоморфные изваяния» считаем необходимым выделить подгруппы и типы, а не виды. Во-вторых, вместо термина «антропоморфная плита» мы предлагаем использовать иное название — «антропоморфная стела», что подразумевает более широкий диапазон использования (поскольку не каждая стела представляет собой плиту) и позволяет рассматривать данные стелы как самостоятельную группу на одном уровне с каменными крестами и антропоморфными изваяниями. Здесь важно отметить, что мы предлагаем использовать данную терминологию не с целью изучения узкой части памятников, а для сопоставления и анализа широкого спектра объектов различных религиозно-этнических культурных традиций в течение длительного времени и на значительной территории. В связи с этим одним из важных критериев сравнительного анализа выступает непосредственное визуальное восприятие объекта. Поэтому если перед нами находится схематичный контур, похожий на туловище человека, вытесанный из плоского камня (плиты), на поверхности которого может присутствовать изображение частей человеческого тела, выполненных гравировкой и неглубоким рельефом, — то это антропоморфная стела. Если же перед нами объёмная имитация человеческого тела (или некоторых его основных частей, с элементами одежды, оружия и т.д.), высеченная из цельного камня с использованием техник глубокого рельефа, оброна и объёмной резьбы, то подобный объект мы предлагаем считать изваянием¹. На эту особенность ранее обратили внимание В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев, когда описывали в своей работе обнаруженные в селениях Галайты, Замни-Юрт, Мескеты объекты:

«Каменные изваяния в пределах Северо-Западного Кавказа и Дона заметно отличаются от описанных. Они выполнены зачастую с большим мастерством, более объёмны, у них выделены талии, рельефные изображения луков и другие аксессуары» (1964, с. 164).

Почти аналогичное наблюдение можно сделать и в выделяемом Ольховским виде «плоская скульптура», который, судя по описанию, отличается от стел и плит именно подчёркиванием антропоморфности облика. Для сравнительного анализа из всего многообразия антропоморфных изваяний в рамках данного исследования мы выбрали именно такие образцы, которые по своему внешнему облику близки и к антропоморфным стелам, и к каменным крестам.

Около здания Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИАЭ ДФИЦ РАН) находится несколько монументальных памятников,

1 Иногда, особенно когда объект повреждён, могут возникать спорные ситуации по отнесению артефакта к стелам или изваяниям. В этих случаях мы полагаем, надо исходить из базового принципа: если сравнивать «чистые» классические образцы спорных подгрупп (или типов), то выбирать тот, который по внешнему восприятию наблюдателя оказывается ближе к идентифицируемому объекту.

обнаруженных на территории Дагестана, которые можно отнести к подгруппе «плоских скульптур» (рис. 1).

Рисунок 1. Каменные изваяния из Дагестана: 1. Мамай-кутан, Каякентский р-н; 2. Экибулак, Буйнакский р-н; 3. Каякент, Каякентский р-н. 4, 5. Башлыкент Каякентского р-на. (Давудов, 2002, с.14-15). Фото авторов 2023 г.

Figure 1. Stone sculptures from Dagestan: 1. Mamai-kutan, Kayakentsky district; 2. Ekibulak, Buinaksky district; 3. Kayakent, Kayakentsky district 4, 5. Bashlykent, Kayakentsky district. (Davudov, 2002, p.14-15), Authors photo's 2023.

На представленном рисунке видны два явно выраженных антропоморфных изваяния: из урочища Мамай-кутан, Каякентский район (рис. 1.1), и с. Экибулак, Буйнакский район (рис. 1.2) (Опись памятников..., 2020). Изваяние из урочища Мамай-кутан (рис. 1.1) не обладает натуралистическими формами человеческого тела, однако голова с лицом хорошо читаются, а с обратной стороны имеется ярко выраженная коса. Кроме того, в районе шеи рельефом обозначены либо складки одежды, либо элементы воинских доспехов. Значительная часть линий, расположенных на лицевой поверхности изваяния,

на наш взгляд (исходя из более светлого цвета нарушенной части камня), выполнена намного позже изготовления основной фигуры.

Изваяние из Экибулака (рис. 1.2) представляет собой статую с поясным человеческим изображением, скорее всего, женщины. На лицевой поверхности чётко выделены руки и черты лица, груди оформлены в форме овалов. Весьма реалистично выполнена голова — с ушами и тщательно зачёсанными назад волосами (Гаджиев, Маммаев, 1977, с. 52–54). Ещё одно изваяние из Каякентского района Дагестана (рис. 1.3) не имеет ярко выраженного лица (глаза, нос, рот, уши), элементов одежды и т.д. Но при внимательном осмотре можно сказать, что имеются следы обработки — для придания верхней части формы овала, которую вполне можно идентифицировать с головой. Чтобы создать объёмность этой «головы», вырезанные в камне канавки, формирующие овал, выходят на лицевую поверхность изваяния. Такое решение явно подчёркивает разделение «головы», на которой едва заметны небольшие углубления вместо глаз, и нижней части фигуры. Форма приподнятых боковых выступов вполне может восприниматься как молитвенное поднятие рук, несмотря на отсутствие дополнительных линий. Мы не исключаем, что на изваянии могли присутствовать выполненные гравировкой некоторые антропоморфные детали, которые впоследствии были аккуратно стёсаны несколько веков тому назад.

К этой же подгруппе считаем необходимым отнести ещё два изваяния, которые имеют определённое сходство не только по форме, но и по изображению на лицевой поверхности. Они были обнаружены около с. Башлыкент Каякентского района Дагестана. Первое изваяние (рис. 1.4) нашли при раскопках Шахсенгерского могильника (от конца II тыс. до н. э. до 30-х гг. VII в. до н. э.), где оно выступало в качестве перекрытия погребальной камеры (Давудов, 2002, с. 14–15). Голова оформлена в виде небольшого слегка округлённого выступа, оформлены плечи и слегка зауженная центральная часть туловища. На артефакте по всей ширине «грудной клетки» высечено рельефное изображение, напоминающее лук. На другом изваянии (рис. 1.5), которое в настоящее время находится около здания ИИАЭ ДФИЦ РАН и очень напоминает крест с округлыми формами лопастей, также видны следы узора, состоящего из двух рельефных линий на месте условной груди, при том, что значительная часть лицевой стороны изваяния стёсана (повреждена). Верхняя часть плавно закруглена, что придаёт ей форму человеческой головы. Боковые выступы несимметричны, видно и различие в форме выступообразующих изгибов. В нижней части основной части (тела) также проявляются некие горизонтальные рельефные выступы. Рельеф изображения и форма данного изваяния имеют много общего с артефактом, обнаруженным при раскопках Шахсенгерского могильника. При этом указанное изваяние было обнаружено В. Г. Котовичем на Шахсенгерском городище раннего средневековья, территория которого занимала более раннее поселение и могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа (Давудов & Давудов, 2013, с. 13). Учитывая эти факты,

а также особенности самого изваяния, можно считать, что оно, скорее всего, относится ко времени создания могильника (т.е. оно старше городища). Кроме того, мы не исключаем вероятности, что оно было подтёсано, чтобы сбить лишние изображения, в попытке придания боковым выступам более угловатой формы. Хотя контур данных двух объектов имеет вполне крестовидную форму, однако наличие узоров и прочих следов подработки, а также тот факт, что они были обнаружены в ходе изучения Шахсенгерского могильника эпохи поздней бронзы — раннего железа, позволяют, как нам представляется, достаточно обоснованно отнести их к антропоморфным изваяниям.

Антропоморфные стелы

В группе «антропоморфные стелы» мы считаем целесообразным выделить, как мы указывали ранее, минимум две подгруппы. Одна — для стел, на которых есть детальные антропоморфные изображения на поверхности (т.е. черты лица или иных частей тела), вторая — для стел, на которых таких изображений нет, но которые обладают определённым сходством с человеческой фигурой по своему контуру (абрису). В данном случае мы скорее поддерживаем точку зрения А. А. Щепинского, нежели А. А. Формозова, излишне детализировавшего типы на основе различий в изображаемых на стелах предметах.

Антропоморфные стелы с «личиной»

К этой подгруппе антропоморфных стел с «личиной» мы относим те стелы, на поверхности которых имеются антропоморфные изображения (т.е. черты лица или иных частей тела). Хорошо известны антропоморфные стелы скифского времени из селений Замай-Юрт и Галайты на территории современной Чеченской Республики (Ольховский & Евдокимов, 1994, с. 35–37, 166–171) (рис. 2.1).

В этих случаях явно выделены голова и элементы лица (глаза, нос и пр.), показаны прижатые к телу руки. Кроме того, могут присутствовать изображения пояса и кинжала. Интересен пример более поздней (ориентировочно XI–XII вв.) стелы из селения Эльтаркач (Карачаево-Черкесия), описанной А. С. Фирковичем в 1848 году (1857, с. 382), с рельефными изображениями человека с одной стороны и креста с другой (рис. 2.2). Всего на территории Северного Кавказа благодаря различным публикациям (Исаев, 2014; Ольховский & Евдокимов, 1994; и др.) и результатам собственных обследований нам известно как минимум 18 подобных стел.

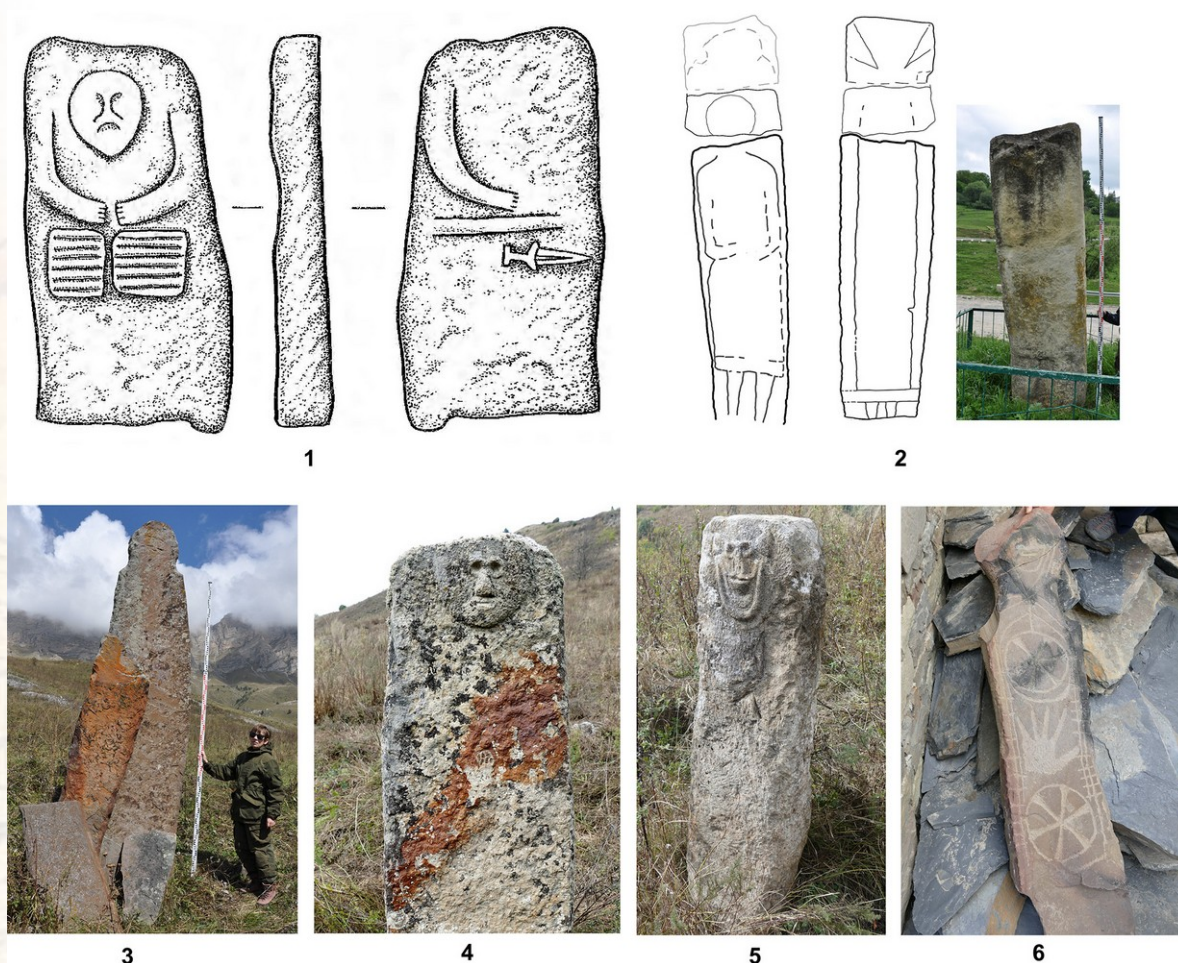

Рисунок 2. Антропоморфные стелы с «лицом»: 1. Замай-Юрт (Чечня) (Ольховский & Евдокимов, 1994, с. 169); 2. Эльтаркач (Карачево-Черкессия). Прорисовка и фото авторов 2025 г.; 3. Ангеты; 4, 5. Мяшхи (все три из Гулойхийского ущелья Ингушетии). Фото авторов 2024 г.; 6. Итум-Кали (Чечня). Фото авторов 2023 г.

Figure 2. Anthropomorphic steles with a "face": 1. Zamai-Yurt (Chechnya) (Olkhovsky & Evdokimov, 1994, p. 169); 2. Altarkach (Karachevo-Cherkessia). Drawing and photo of the authors in 2025. 3. Angety; 4,5. Myashkhi (all from the Guloikhi gorge of Ingushetia). All authors photo's 2024; 6. Itum-Kali (Chechnya). Authors photo's 2023.

В состав данной подгруппы мы считаем возможным отнести и достаточно поздние (вероятнее всего, XVIII–XIX вв.) объекты из Гулойхийского ущелья Ингушетии, где выделены только элементы головы и лица (в одном случае вместо человеческого лица вырезана морда обезьяны)¹ (рис. 2.3–2.5).

Стела около бывшего селения Ангеты имеет ярко выделенную голову с намеченными высеченными линиями глаз, носа и рта (рис. 2.3). Стелы у селения Мяшхи выполнены в совсем ином стиле. В одном случае (рис. 2.4)

1 В Ингушетии из сохранившихся известна как минимум ещё одна стела с объёмным изображением лица около бывшего селения Барах. В 1880-е гг. В. Ф. Миллер отмечал и другие похожие стелы (Миллер, 1888, с. 32).

мы видим рельефное изображение лица с минимальным набором черт — глаза, нос, рот. Что касается изображения морды обезьяны (рис. 2.5), то, вероятно, возможно рассматривать различные варианты объяснения этого единичного примера. Мы же полагаем, что это изображение имеет прямое отношение к кому-то из местных жителей и поэтому причисляем эту стелу не к зооморфным, а к антропоморфным объектам.

Также считаем важным обратить внимание на то, что антропоморфные стелы в Мяшхи расположены на краю, практически в ограде, небольших кладбищ селения, и их лицевые стороны обращены на юг (т.е. ориентация север—юг), в то время как другие стелы, полусклепы и могилы, обложенные камнем, в составе захоронений, на этих же кладбищах ориентированы по линии восток—запад. В связи с этим можно предположить, что эти стелы носили характер не надмогильного памятника или символа, а, возможно, сакрального информационно-охранного знака.

Ещё одна антропоморфная стела (чурт) с явным изображением человеческого лица, а также с солярными символами и знаками ладоней была нами осмотрена в 2023 г. в селении Итум-Кали (Чечня)¹ (рис. 2.6). На стеле вырезанные изображения нанесены с двух сторон, т.е. она предназначалась для установки на открытом пространстве. Верхняя часть (голова) стелы расколота.

Контурные антропоморфные стелы

Так мы предлагаем называть подгруппу в составе группы антропоморфных стел, на поверхности которых нет никаких рельефных или гравированных следов человеческих черт и атрибутов и которые своим контуром представляют собой крайне стилизованную человеческую поясную фигуру: вытянутое основание (туловище), уступ с сужением в верхней части основания (плечи), после сужения — овальное, дисковое или закруглённое навершие (голова). Средневековые антропоморфные стелы без изображений (которые также иногда называют антропоморфными изваяниями) хорошо известны в различных регионах Европы и, в частности, в Крыму и Северном Причерноморье; они датируются диапазоном IV в. до н.э. — III в. н.э. (Молева, 2012; Волошинов, 2015) (рис. 3.1), а также в Центральной Анатолии (Стоянов, 2010, с. 42–43). На некоторых изваяниях встречаются характерные для надгробий надписи на греческом языке (Молева, 2012, с. 50).

¹ Данная стела (чурт) изначально была найдена вблизи селения Тазбичи Итум-Калинского района (Исаев, 2014, с. 353).

Рисунок 3. Контурные антропоморфные стелы: 1. Фрагмент классификации боспорских антропоморфных изваяний по Молевой (2012, с. 45-49); 2. Кахиб, (Дагестан). Фото авторов 2023 г.; 3. Reinberg (Германия). Фото авторов. 2014 г.; 4. Реконструкции славянского святилища IX-X вв. GrossRaden (Германия) (Ślupecki, 1994, р. 102); 5. Эльтубю, (Кабардино-Балкария). Фото авторов 2024 г.; 6. Дигорское ущелье (Северная Осетия). Фото авторов 2022 г.; 7. Тийста (Тестархой), Терлойское ущелье, Чечня. Фото авторов 2023 г.; 8. Vallsjö Gamla Kyrka в Sävsjö (Швеция). Фото авторов 2014 г.

Figure 3. Contoured anthropomorphic steles: 1. Fragment of the classification of Bosphoran anthropomorphic sculptures according to Moleva (2012, pp. 45-49); 2. Kakhīb, (Dagestan). Authors photo's 2023; 3. Rheinberg (Germany). Authors photo's. 2014; 4. Reconstructions of the Slavic sanctuary of the 9th-10th centuries. Gross Raden (Germany) (Ślupecki, 1994, p. 102); 5. Eltuby, (Kabardino-Balkaria). Authors photo's 2024; 6. Digor gorge (North Ossetia). Authors photo's 2022; 7. Tiista (Testarkhoy), Terloy gorge, (Chechnya). Authors photo's 2023; 8. Vallsjö Gamla Kyrka in Sävsjö (Sweden). Authors photo's 2014

Практически идентичные стелы (с дисковым окончанием), но уже значительно более поздних датировок (вплоть до начала XX в.), были отмечены и на Северном Кавказе (Дебилов, 1966; Кузнецова, 1982), где они встречаются на мусульманских кладбищах (рис. 3.2). Кроме того, на южном побережье Балтийского моря также известны весьма похожие на боспорские антропоморфные изваяния деревянные стелы IX-X вв., которые были обнаружены

в составе славянского культового комплекса GrossRaden (Gross Raden) в Германии (Ślipecki, 1994, p. 102) (рис. 3.4). Мы не считаем, что во всех этих случаях необходимо проследивать возможные этнографические связи между настолько удалёнными территориями. Скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с похожим для разных народов восприятием и изготовлением антропоморфных образов, как это происходило с другими широко известными образами — солнца, луны, диких животных и т.д.

При этом внутри некоторых локальных территорий можно проследить весьма интересные изменения не только в художественном развитии этих образов, но и, порой, в смысловом наполнении. Например, антропоморфная форма стел с дисковым навершием (головой) славянских святилищ южной Балтики IX–X вв. (рис. 3.4) в некоторых случаях стала прямым прообразом для местных христианских надгробных памятников более позднего периода в Померании (Северная Германия) и на острове Рюген в XIV–XV вв.¹ (Потравнов & Хмельник, 2018, с. 62) (рис. 3.3). Подобные примеры христианских стел известны в Херсонесе V–VI вв. и Испании XIII в. Таким образом, в данном случае мы встречаем любопытный пример преемственности, когда внешняя (контурная) форма стелы осталась практически неизменной, а изобразительное и, как следствие, смысловое наполнение кардинально поменялось: вместо человеческой головы теперь воспринимается образ креста в круге!

На Северном Кавказе подобный антропоморфный образ (вытянутое основание (туловище), уступ с сужением в верхней части основания (плечи), после сужения — овальное, круглое или закруглённое окончание (голова)) часто встречается и в виде рельефных изображений на каменных стелах других геометрических форм. Например, они достаточно выразительно оформлены на многих сын-ташах Балкарии (рис. 3.5) и цыртах (сыртах) Северной Осетии достаточно позднего времени — XIX–XX вв. (рис. 3.6)². Вполне возможно, что в одних случаях мастера-изготовители даже не задумывались об антропоморфности, а в других она, наоборот, ярко подчёркивается. То есть эти стелы по своей форме (контур) не относятся к антропоморфным, но по нанесённым на них антропоморфным изображениям они могут быть причислены к объектам, имеющим явное отношение к этой традиции. При этом на многих осетинских цыртах (сыртах) в верхней круглой части изображения также можно увидеть стилизованное изображение креста в круге (рис. 3.6).

К этой же подгруппе мы считаем вполне логичным отнести и «нальчикские антропоморфные стелы» (Чеченов, 1973), которые мы относим к типу стел «с выступом и плечами». Здесь голова выделена, но в форме небольшого округлого выступа, а на основной части стелы выгравированы геометрические

1 Нам известно о существовании около 80 подобных памятников, которые на территории Германии называются Scheibenkreuz (дисковый крест). Все эти объекты можно разделить на подтипы и варианты — в зависимости от размера нижней части (высокие, короткие), а также особенностей нанесённых изображений.

2 Датировки в большинстве случаев вырезаны на указанных памятниках и расшифрованы авторами статьи.

узоры. Очень похожие контурные антропоморфные стелы нами отмечены на территории Чечни в Аргунском (Нихалой) и Терлойском ущельях (Тийста, Тестархой) (рис. 3.7)¹. Также к контурным антропоморфным стелам считаем целесообразным отнести и так называемое Вилахское изваяние, находящееся в горной части Чеченской Республики (долина р. Гехи) (Вилахское каменное..., 2013). Аналогичные стелы (как с узорами, так и без них) можно встретить не только на старых кладбищах Северного Кавказа, но и в других, весьма удалённых от Кавказа, регионах, например в южной Швеции (рис. 3.8).

На территории Дагестана в ходе раскопок Гоцатлинского поселения были обнаружены стелы, которые датируются X–XII вв. Лицевая поверхность некоторых из них была покрыта практически сплошным геометрическим узором (Албегова и др., 2014, с. 309–311). Похожие стелы с узорами ранее находили и в других районах Дагестана (Дебиров, 1966, с. 124–127). Количество известных нам контурных антропоморфных стел только этих двух описанных типов («с дисковым окончанием» и «с выступом и плечами») на территории Северного Кавказа, исходя из анализа ранее упомянутой литературы и самостоятельного осмотра территории, составляет несколько десятков экземпляров.

Однако подобная форма контурных антропоморфных стел не всегда оставалась неизменной: в зависимости от различных территорий и времени она видоизменялась. Например, на территории современной Турции известны стелы османского периода с зауженной верхней частью со стилизованным изображением головного убора. Надгробные мусульманские стелы с фигурным навершием, напоминающим головной убор, которые датируются XIV в., также были обнаружены в Крыму (Акчокраклы, 1929, с. 153–154). На многих стелах Северного Кавказа с арабскими надписями, установленных в основном в XVIII–XX вв., также встречается удлинённая зауженная часть между прямоугольным основанием («тело с плечами») и оформленным (круглым, овальным) окончанием («голова») с навершием, напоминающим головной убор. Возможно, что появление этой формы было связано с забвением языческих традиций и влиянием исламской культуры надгробных памятников с территории соседних государств. Эта особенность позволяет нам выделить их в третий тип контурных антропоморфных стел — «зауженные с навершием».

П. М. Дебиров в своей работе, посвящённой камнерезному искусству Дагестана, где он выделил среди надгробных памятников три «типа надгробий», весьма наглядно представляет подобные примеры контурных антропоморфных стел с разнообразными узорами (1966, с. 131). В данном случае наглядно видна целесообразность разделить подгруппу контурных антропоморфных стел на несколько типов, исходя из оформления круглой (овальной) верхней части (голова) и прямоугольного (в профиле) тела. Хотя в ряде случаев, на наш взгляд, возможно подвергнуть некоторому сомнению элемент антропоморфности — настолько внешний облик приобретает черты других объектов.

1 На данной стеле вырезана дата на арабском: 1924 г. (пересчёт даты выполнен авторами статьи).

Например, форму верхней части некоторых типов стел также можно сравнивать с эфесом меча или сабли, где ярко выражены гарда (или плечи клинка), рукоять и навершие.

Таким образом, оказывается, что контурные антропоморфные стелы с явно выраженными антропоморфными признаками (голова, плечи, черты лица и т.д.), несмотря на этнографические и религиозные различия у народов, использовавших эти объекты, прочно вошли в культурное пространство народов Северного Кавказа в качестве надгробных памятников и памятно-поминальных знаков, использовавшихся на протяжении длительного периода времени, вплоть до XX в., представителями разных религиозных воззрений — язычниками, христианами и мусульманами. Исходя из этого, мы полагаем, что форма антропоморфных стел имеет самостоятельный генезис, который, по нашему мнению, практически не связан с трансформацией других групп антропоморфных изваяний — статуарных рельефов и круглых скульптур (по типологии Ольховского), которые также называют «каменными бабами» или «балбалами».

Каменные кресты

Каменный крест представляет собой объёмную крестообразную фигуру, выполненную из цельного куска камня, без следов явных антропоморфных проработок (т.е. черт лица или иных частей тела). При этом выступы, формирующие лопасти креста, ярко выражены и выступают от вертикальных или горизонтальных границ других частей фигуры на расстояние, которое составляет обычно не менее 1/3 от ширины лопасти. Центральные оси лопастей (выступов) у каменных крестов пересекаются между собой, преимущественно под углом в 90°. Число лопастей у креста может быть 4, 6 и более. На каменном кресте могут быть нанесены разные надписи и изображения, в том числе в виде человеческих фигур (Христос, Предстоящие, святые и пр.). В результате проведённого обследования каменных крестов на территории России (более 1400 экз.) в 2018 г. была разработана их базовая типология (2 группы, 4 подгруппы и 26 типов) (Потравнов & Хмельник, 2018, с. 31–33). По результатам данного обследования было выявлено, что более 90% каменных крестов обладают чётко выраженной формой, которая позволяет их распределить по 26 типам.

Из более ранних публикаций (Миллер, 1893; Атаев, 1959; Магомедов, 1979; Кобычев, 1979; Чеченов, 1987; Чахкиев, 2003; Потравнов & Хмельник, 2023; и др.) и собственных полевых исследований нам известно о 71 каменном кресте на Северном Кавказе, внешний вид которых хорошо известен — имеются их прорисовки и фотографии. Благодаря этому анализ их морфологических признаков также показывает, что они соответствуют ранее выявленным закономерностям и могут быть распределены на подгруппы и типы в соответствии с вышеуказанной типологией.

Традиция использования каменных крестов на Кавказе появилась в VI-VII вв. на территории Армении, Грузии и Кавказской Албании. Причём форма крестов была ярко выражена, часто с рельефной резьбой разнообразных орнаментов и узоров (плетёнки, розетки, круги и т.д.). Затем на территории Армении вместо каменных крестов стала развиваться традиция хачкаров — стел с резным изображением крестов. В восточной части Северного Кавказа первые каменные кресты также появились практически в это же время (VI-VII вв.), хотя и с небольшой задержкой (Верхне-Чирюртовский могильник) (Магомедов, 1979). Затем, вероятнее всего, до конца XV в. каменные кресты с рельефной резьбой и надписями с использованием грузинского алфавита встречаются на территории Аварского нухальства (ханства) (Атаев, 1959).

В западной части Северного Кавказа каменные кресты с греческими надписями появились намного позже — уже в XI в. В более позднее время в западной и центральной части Северного Кавказа происходит усложнение техники выполненных изображений (каменные кресты XIV–XVI вв.) с многочисленными рельефными изображениями — люди, всадники, луна, солнце, кресты и т.д. (Чеченов, 1987, с. 78–82), (Миллер, 1893, т. LXIII–LXV). Весьма любопытны и редки единичные формы каменных крестов, которые порой встречаются на Северном Кавказе. Один из ярких примеров — каменный крест, который находится в храме Тхаба-Ерды (Ингушетия) (рис. 4.1). По нашему предположению, данный артефакт предназначался для установки в стене, поскольку задняя часть креста слишком грубо обработана и не видно каких-либо конструктивных особенностей для иного способа крепления креста в вертикальном положении. Округлые, с резким сужением и слегка ребристые окончания лопастей напоминают, с одной стороны, окончания некоторых христианских нательных крестов XI–XII вв., а с другой стороны — элементы декора различных зданий, в частности храма Светицховели в Мцхете (Грузия).

Во многих местах Северного Кавказа каменные кресты обладают чётко выраженными прямыми линиями лопастей. Кресты таких форм весьма широко распространены почти на всей территории Европы (включая Россию), где в средневековье встречалась традиция изготовления каменных крестов. Однако встречаются и не прямолинейные, а округлые, плавные очертания форм каменных крестов. Например, некоторые кресты из долины реки Мереджи (Чечня) зафиксированы с удлинённой верхней лопастью и с небольшими округлыми боковыми лопастями (Кобычев, 1979, с. 145). Такой внешний вид напоминает форму креста из долины реки Кыфар (современная Карачаево-Черкесия) (От редакции, 1898, с. 140). Этой же особенностью отличаются и каменные кресты в Чечне (Чармахи, Хой) (рис. 4.2). Здесь имеется удлинённая верхняя лопасть, а боковые представлены небольшими выступами, длина которых меньше ширины образуемой лопасти. Такие отличия в пропорциях боковых и верхней лопастей, скорее всего, и послужили причиной сомнений в отнесении этих объектов к разряду крестов. Однако подобная

диспропорция известна и у каменных крестов в других регионах, что послужило основанием в ранее упоминаемой типологии выделить отдельный тип — 1.4.1 (кресты с короткими боковыми лопастями) (Потравнов & Хмельник, 2018, с. 126). К этой же группе крестов мы полагаем стоит отнести и монумент из селения Ний (Ингушетия).

Рисунок 4. Каменные кресты: 1. Тхаба-Ерды (Ингушетия). Фото авторов 2024 г.; 2. Хой (Чечня). Фото авторов 2023 г.; 3. Пешхой (Чечня). Фото авторов 2023 г.; 4. Кели (Кхарт) (Ингушетия). Фото авторов 2024 г.; 5. Чисть, Новгородской обл. Фото авторов 2021 г.; 6. Хотылицы, Тверская обл. Фото авторов 2017 г.

Figure 4. Stone crosses: 1. Thaba-Yerdy (Ingushetia). Authors photo's 2024; 2. Khoy (Chechnya). Authors photo's 2023; 3. Peshkhoy (Chechnya). Authors photo's 2023; 4. Kelly (Khart) (Ingushetia). Authors photo's 2024; 5. Chist, Novgorod region. Authors photo's 2021; 6. Khotilitsy, Tver region. Authors photo's 2017.

Теперь обратим внимание на те объекты, которые похожи на крест около с. Нихалой (Чечня); В. И. Марковин относит его к антропоморфным стелам. Данный крест впервые был описан В. Ф. Миллером в XIX в., а в книге М. М. Базоркина дана его фотография. Эти сведения весьма важны, поскольку в настоящее время крест разбит на несколько частей и проанализировать его внешний вид можно только по изображениям прошлого. Рисунок В. Ф. Миллера (1888, с. 6) и фотография из книги М. М. Базоркина (1964, с. 41) выполнены с разных сторон креста и несколько отличаются друг от друга (в том числе и пропорцией верхней лопасти). Несмотря на эти различия, на указанных изображениях видны чётко выраженные боковые лопасти и удлинённая верхняя лопасть креста. К этому же типу можно отнести и объекты из селений Макажой, Пешхой (оба — Чечня) (рис. 4.3) и Кхарт (или Кели)¹ (Ингушетия) (рис. 4.4) — все они имеют выраженные лопасти (видны явные следы подработки камня) коротких и слегка округлых форм. При этом размеры верхней и боковых лопастей уже не столь сильно отличаются друг от друга. Нижняя часть артефактов достаточно удлинённая и создаёт образ высоко поднятого над поверхностью земли креста. Каменный крест около селения Кхарт (Кели) (Мужухоев, 1977, с. 300; Чахкиев, 2003, с. 104) находился рядом с полуподземным каменным склепом. Несколько лет назад артефакт упал и раскололся надвое, при этом левая лопасть после падения оказалась частично поломана (рис. 4.4). У этого креста также была удлинённая нижняя часть с «шипом» для установки в подпятный камень.

На наш взгляд, в формах этих объектов нет следов антропоморфности, которые ранее были рассмотрены в данной статье по отношению к антропоморфным стелам. Также у нас нет никаких оснований отнести их к изваяниям — никаких следов проработки человеческих черт на них также не обнаружено.

Необходимо отметить и такую важную особенность — на соседних территориях (Грузия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) кресты со слегка округлыми и короткими боковыми лопастями практически не встречаются, но зато нам известны аналоги в удалённых от Кавказа регионах России (Тверская, Новгородская, Псковская области) и в Белоруссии (рис. 4.5; 4.6). При этом каменные кресты подобных форм на территории европейской России в основном находятся в наиболее удалённых от религиозных центров местностях, где, кроме всего прочего, не было опытных каменотёсов. По нашей оценке, артефакты таких форм представляют собой примеры заключительного этапа использования каменных крестов — когда объём богатых заказов резко уменьшился и количество профессиональных мастеров значительно сократилось. Во времена расцвета этой традиции в Великом Новгороде и Пскове кресты, выполненные профессиональными резчиками из качественного материала, перевозились порой более чем на 100–200 километров от места произ-

1 Данный крест на местности располагается ближе к селению Кели, нежели к селению Кхарт, по отношению к которому он упоминается в литературе. Этот объект был осмотрен нами на местности благодаря помощи сотрудника Ассинско-Джейрахского заповедника Зияутдина Гуражева осенью 2024 г.

водства. Соответственно, при угасании традиции на окраинах этих исторических земель стали производить собственными силами более дешёвые и упрощённые по форме кресты уже из местных материалов. Подобные кресты мы часто относим к типам 1.5.4 (кресты с закруглёнными лопастями) или 1.5.5 (кресты единичных форм).

Таким образом, рассмотренные каменные кресты из Ингушетии и Чечни по своему внешнему виду и форме лопастей обладают определёнными отличиями по сравнению с крестами из других регионов Кавказа и, в свою очередь, имеют близкие аналоги среди каменных крестов в отдалённых уголках России. И эта схожесть форм, на наш взгляд, объясняется достаточно поверхностным уровнем внедрения христианского искусства в устоявшиеся языческие погребально-поминальные практики местного населения. На северо-западе России и в Белоруссии именно на удалённых от религиозных центров территориях проявлялось так называемое «народное православие» с сильными примесями язычества, которое можно назвать одной из форм проявления синкретизма. Вероятно, в том числе и по этой причине в таких местах уже в наше время мы часто встречаем отношение к подобным каменным крестам не как к христианскому символу, а как к объекту самостоятельного почитания.

Похожая позиция весьма поверхностного восприятия христианства в условиях распространённого религиозного синкретизма, особенно в горных местностях Северного Кавказа, часто фиксировалась в документах и отчётах различных исследователей прошлого. В то же время в некоторых случаях прямо указывалось на связь каменных крестов именно с христианской верой. Так, в воспоминаниях Зиссермана, когда он описывает свою поездку в Цори (современная Ингушетия) в 1847 г., сказано: «Недалеко от Цори, на холме, я заметил большой каменный крест, полупокрытый мхом. Бехо объяснил, что предки их были христиане и, по преданию, крест этот поставлен их предводителем в память победы над мусульманами» (1879, с. 174).

В связи с вышеизложенным можно говорить, что культура изготовления и использования каменных крестов встречалась на различных территориях Северного Кавказа в течение достаточно продолжительного времени — с VII по XVI вв. и, скорее всего, была связана с периодами внешнего культурного влияния (Византия, Грузия, Армения) (Потравнов & Хмельник, 2023, с. 129, 138). В более позднее время (XIX — нач. XX вв.) каменные кресты, встречающиеся на Северном Кавказе (Мамисонское ущелье Северной Осетии, казацкие станицы Краснодарского и Ставропольского краёв), безусловно, были связаны с включением этих земель в культурно-политическое пространство Российской Империи.

Крестообразные стелы

Крестообразная стела — вертикально установленная плита без следов явных антропоморфных проработок (т.е. черт лица или иных частей тела), которая не обладает ярко выраженными особенностями креста — т.е. не имеет явно выраженных лопастей, но имеет три удалённых от центральной оси стелы углообразных выступа, так что условные линии, которыми можно соединить боковые точки и верхнюю точку с основанием стелы, пересекаются между собой под углом, близким к 90°. В ряде случаев крестообразная стела может напоминать ромбовидную фигуру. Подобные стелы встречаются не только на Северном Кавказе (где нам известно о 13 экземплярах — по результатам собственных обследований и более ранних публикаций (Марковин, 1963; Мужухоев, 1977)), но и на других российских территориях, где ранее была распространена традиция каменных крестов — Псковская, Смоленская, Новгородская области (рис. 5.1; 5.2).

Изначально мы относили крестообразные стелы к одной из вариаций крестов упрощённых форм, изготовленных с минимальным вмешательством в каменную плиту-заготовку, которые изготавливались в достаточно позднее время (XVIII–XIX вв.) усилиями местных крестьян, не имевших опыта в художественной обработке камня. Однако в результате наших экспедиций по Северному Кавказу мы решили отнести крестообразные стелы к отдельной подгруппе.

Как мы отмечали чуть ранее, кресты со слегка округлыми и короткими боковыми лопастями встречаются, в основном, в удалённых и труднодоступных местах, вдали от центров развития христианского искусства. На Северном Кавказе крестообразные стелы мы встречаем в основном в горных районах Чечни и Ингушетии на старых кладбищах либо в качестве отдельно стоящих монументов. Размещение этих стел на действующих или заброшенных кладбищах среди других надгробных памятников (в том числе и каменных крестов) позволяет предположить, что многие из них были изготовлены либо одновременно с этими каменными крестами, либо несколько позже. При этом нам не известны крестообразные стелы в рассматриваемых регионах Северного Кавказа, которые можно уверенно датировать периодом до XIV в.

Стелы из селений Асланбек-Шерипово (рис. 5.3), Мяшхи (рис. 5.4), Хой (рис. 5.5) мы посчитали возможным отнести именно к этой подгруппе объектов. В этих примерах не видно ярко выраженных и чётко оформленных лопастей, создающих облик креста, но при этом линии, соединяющие наиболее удалённые от средокрестия выступающие точки, образуют форму креста.

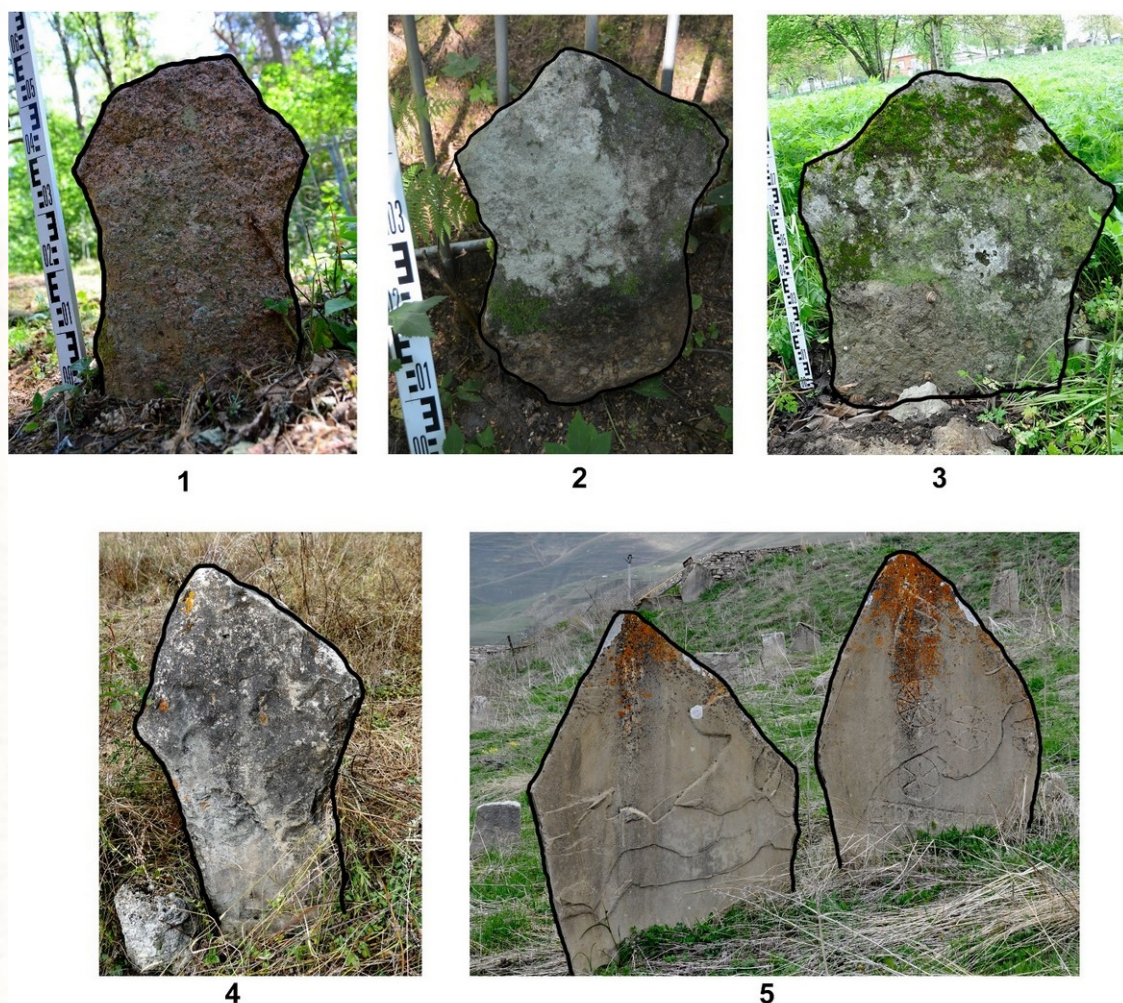

Рисунок 5. Крестообразные стелы: 1. Горки, Смоленская обл. Фото авторов 2016 г.;
2. Бальтино, Псковская обл. Фото авторов 2018 г.; 3. Асланбек-Шерипово, Чечня.
Фото авторов 2023 г.; 4. Мяшки, Ингушетия. Фото авторов 2024 г.;
5. Хой, Чечня. Фото авторов 2024 г.

Figure 5. Cruciform steles: 1. Gorki, Smolensk region. Authors photo's 2016;
2. Baltino, Pskov region. Authors photo's 2018; 3. Aslanbek-Sheripovo, Chechnya.
Authors photo's 2023; 4. Myashkhi, Ingushetia. Authors photo's 2024;
5. Khoy, Chechnya. Authors photo's 2024

По своему внешнему виду крестообразные стелы отличаются от антропоморфных стел, поскольку у них отсутствует главный отличительный признак — явный образ головы в форме диска или округлого выступа на «плечах» у вытянутого «тела». Также они отличаются и от каменных крестов (отсутствие явно выделенных трёх лопастей), хотя в их основе и заложена форма креста. По этой причине некоторые объекты из селения Памятой (о которых упоминал в своей работе В. И. Марковин (1963, с. 277)), исходя из анализа прорисовок, скорее относятся к группе крестообразных стел, чем каменных крестов. Исходя из географии мест обнаружения, оказывается, что территория распро-

странения крестообразных стел, во-первых, меньше, чем у каменных крестов, а во-вторых, крестообразные стелы встречаются в основном в регионах, где формы каменных крестов наиболее упрощены (Чечня, Ингушетия). Кроме того, известные крестообразные стелы, судя по ряду признаков (размещение на кладбищах с поздними датированными захоронениями, обнаружение под некоторыми из таких стел захоронений, выполненных по мусульманскому обряду и т.д.), датируются более поздним периодом (не ранее XIV–XV вв.) (1963, с. 276), чем первые каменные кресты на территории Северного Кавказа. На наш взгляд, это говорит о направлении эволюции традиции внутри данной группы монументальных памятников — от относительно сложной геометрической формы каменных крестов к упрощённой форме крестообразной стелы и далее к формам, уже совсем отдалённо напоминающим что-то крестообразное.

Подобное направление вектора трансформации форм мы встречаем и в европейской части России — от хорошо оформленных каменных крестов, в том числе с узорами и надписями, до упрощённых форм со слабо выраженными лопастями, без рельефов и чётких надписей. Причём и в этом случае выявляется ранее упомянутая зависимость: упрощённые формы крестов и стел, изготовленных из местного материала, в основном встречаются в удалённых от ремесленных и религиозных центров уголках. И, судя по ряду особенностей и контекста их обнаружения, эти объекты уже более позднего времени, то есть они являются примерами угасания и вырождения более древней традиции изготовления каменных крестов. С учётом небольших отличий в форме осмотренные нами стелы можно разделить на три типа — «ромбовидные», «мечевидные» и «стреловидные».

Исходя из вышесказанного и учитывая особенности развития религиозных и этнографических традиций народов Северного Кавказа, мы не считаем, что все выявленные крестообразные стелы этого региона автоматически должны означать их прямое отношение к христианским обрядам. По нашему мнению, данная форма стел на Северном Кавказе скорее демонстрирует следы стилистического влияния более ранних памятников, использовавшихся в ближайшей округе, нежели является знаком религиозной идентичности тех, кто устанавливал эти объекты. В связи с этим неудивительно, что некоторые крестообразные стелы могли использоваться отдельными жителями горных районов Чечни и Ингушетии в качестве намогильных памятников на начальном этапе распространения ислама.

Стелы крестообразно-антропоморфных форм

Ещё в одну подгруппу монументальных памятников мы считаем необходимым выделить стелы крестообразно-антропоморфных форм — поскольку в них можно одновременно выявить элементы и крестообразных, и антропоморфных стел. На эту особенность обратила внимание А. Я. Кузнецова в своей работе «Народное искусство карачаевцев и балкарцев». При рассмотрении

намогильных стел она обратила внимание на группу объектов, у которых была выявлена «крестообразная форма, на которую оказала влияние христианская эмблематика, в чистом виде не сохранилась. Отдельные ее элементы явно слились с антропоморфной» (1982, с. 139). Наиболее яркими примерами этой подгруппы стел, насчитывающей всего 9 экземпляров (по результатам собственных обследований), мы считаем следующие.

— Стела из с. Кахиб (Дагестан) (рис. 6.1), где, несмотря на явно выраженные боковые лопасти, характерные для креста, верхняя часть, скорее всего, формирует облик головы; датируется 1936 г. (дата вырезана в составе арабского текста). Подобный объект на территории северо-запада России мы, скорее всего, отнесли бы к крестам единичных или неопределённых форм. Однако, учитывая месторасположение этого артефакта и арабскую надпись, правильнее идентифицировать его как стелу крестообразно-антропоморфных форм.

— Стелы из Черекского ущелья (Верхний Хулам, Кабардино-Балкария) (рис. 6.2). Округлая «голова» и явные по форме плечи, выступающие за основной габарит стелы (тела), напоминают короткие чётко сформированные лопасти креста. Эта пара стел датируется 1895 г. (дата вырезана в составе арабского текста). Исходя из анализа выполненных изображений, можно сделать вывод, что на переднем плане мужская стела (видны газыри, пистолеты и т.д.), а на заднем — женская (женский наряд, посуда, ножницы и т.д.)¹.

— Стела из села Джули Табасаранского р-на Дагестана (рис. 6.3). В данном артефакте прослеживаются черты антропоморфных стел с острыми, высоко поднятыми плечами и округлой головой. Сходство с крестообразными стелами придают тождественные по форме и размеру выступы, расположенные на осях, пересечение которых образует крест под углом 90°. На артефакте имеются вырезанные узоры и орнаменты, а в центральной части размещена куфическая надпись. Подобные стелы известны и в соседних сёлах, входивших в состав союза сельских общин Сувак (Сувккар) современного Дагестана. П. М. Дебировым они датируются X–XII вв. (1966, с. 35). На наш взгляд, в стелах данной подгруппы, которые являются яркими примерами локальных особенностей монументального искусства, можно выявить элементы языческого (антропоморфность), христианского (крест) и мусульманского влияния (текстовая часть).

1 В Черекском ущелье нам известно минимум четыре каменные стелы подобной формы, одна из которых датируется 1836 г. (пересчёт даты выполнен авторами статьи). Также рядом с указанными стелами мы встречали и обломки деревянных антропоморфных стел.

Рисунок 6. Стелы крестообразно-антропоморфных форм. 1. Кахиб, (Дагестан). Фото авторов 2023 г.; 2. Верхний Хулам, (Кабардино-Балкария). Фото авторов 2024 г.; 3. Джули (Дагестан). Фото авторов 2023 г.; 4. Tämta, (Sweden). Фото авторов 2014 г.

Figure 6. Steles of cruciform-anthropomorphic forms. 1. Kahib, (Dagestan). Authors photo's 2023; 2. Verhnij Khulam, (Kabardino-Balkaria). Authors photo's 2024; 3. S. Juli, (Dagestan). Authors photo's 2023. 4. Tämta, (Sweden). Authors photo's 2014.

Все эти стелы мы считаем целесообразным выделить в отдельные типы, с названием по месту их обнаружения — «кахибский», «черекский» и «сувакский». За пределами Северного Кавказа (на территории северо-запада России и в Западной Европе) объекты с похожим внешним видом также известны. В уже упоминаемой ранее типологии каменных крестов они относятся к типу «кресты с дисковой (овальной) верхней лопастью» (Потравнов & Хмельник, 2018, с. 157). В качестве наглядного примера на рисунке 6.4 представлены каменные кресты XVII в. на христианском кладбище у деревни Tämta в юго-западной части Швеции.

Важным шагом для дальнейшего изучения проблематики каменных монументальных памятников на Северном Кавказе служит геоинформационный анализ их распространения. Такой анализ не входит в цели данного исследования, однако для ознакомления с географическим расположением рассмотренной в настоящей статье части памятников Северного Кавказа на рис. 7 представлена предварительная карта с указанием мест их обнаружения.

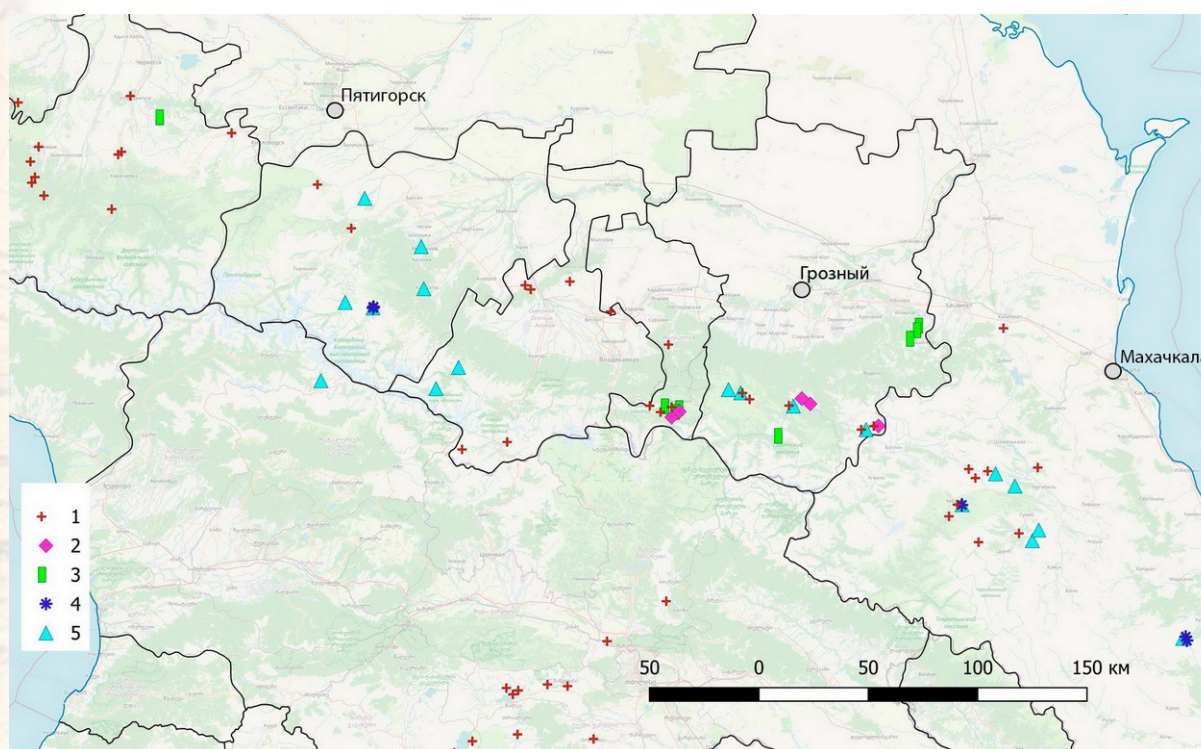

Рисунок 7. Карта Северного Кавказе с указанием мест обнаружения:
1. Каменных крестов; 2. Крестообразных стел; 3. Антропоморфных стел с «личиною»;
4. Крестообразно-антропоморфных стел; 5. Контурных антропоморфных стел
2 типов (3.2.1 и 3.2.2).

Figure 7. Map of the North Caucasus showing the locations of: 1. Stone crosses;
2. Cruciform steles; 3. Anthropomorphic steles with a “face”; 4. Cruciform-anthropomorphic
steles; 5. Contour anthropomorphic steles of 2 types (3.2.1 and 3.2.2).

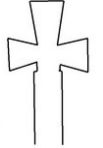
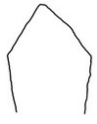
Выводы

В данной статье мы не ставили своей целью предложить формальные критерии для отнесения рассмотренных групп монументальных памятников к той или иной религиозной культуре или этнографической группе. Вместо привычного и традиционного подхода был выбран новый, предусматривающий изучение всей совокупности памятников, обладающих схожими чертами, на значительной территории (в том числе и за пределами Северного Кавказа) и в широком временном диапазоне, которые использовались не только разными народами, но и последователями разных религиозных

воззрений. На основании сравнительного анализа морфологических признаков выявленных объектов была проведена их предварительная группировка с целью подготовки обобщённой типологической модели. Сделанные с учётом такого подхода предложения по уточнению типологии каменных монументальных объектов на основе морфологических признаков можно представить в виде сводной таблицы (табл. 1), где полужирным шрифтом показаны предлагаемые изменения.

Table 1. Suggestions for clarifying the typology of stone monumental objects

Таблица 1. Предложения по уточнению типологии каменных монументальных объектов¹

Группа	Подгруппа	Тип	Изображение
1. 4-х конечные кресты	1.1. Кресты в круге	1.1.1. Дисковые	
		1.1.3. Секирообразные	
	1.4. Кресты с расширяющимися лопастями	1.3.1. С тремя равномерно расширяющимися лопастями	
	1.5. Кресты прочих форм	1.5.4. С закруглёнными лопастями	
		1.6.1. «Ромбовидный»	
		1.6.2. «Мечевидный»	
	1.6. Крестообразные стелы	1.6.2. «Стреловидный»	

1 В таблице не полностью показаны все группы, подгруппы и типы известных каменных монументальных объектов (например, только по каменным крестам ранее описано 26 типов). Предложения по уточнению типологии каменных монументальных объектов выделены полужирным шрифтом. Надписи, выполненные обычным шрифтом, носят справочно-информационный характер.

3. Антропоморфные
стелы

3.1. Стелы с «личиной»

3.1.1. «Схематичный»

3.1.2. «Моноцефальный»

3.2. Контурные стелы

3.2.1. «С выступом и
плечами»

3.2.2. «С дисковым
окончанием»

3.2.3. «Зауженный, с
навершием»

3.3. Стелы крестообразно-
антропоморфных форм

3.3.1. «Кахибский»

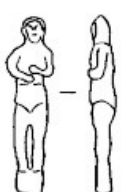
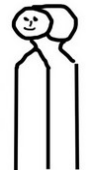

3.3.2. «Черекский»

3.3.3. «Сувакский»

4. Антропоморфные изваяния	4.1.1. Каякентский	
	4.1.2. Шахсенгерский	
	4.2. Статуарный рельеф	
	4.3. Круглая скульптура	
	4.4. Антропоморфный столб	

Одним из аргументов, подтверждающих обоснованность данных предложений по типологии, могут выступать и приведённые нами примеры визуальных архетипических решений на ряде памятников Северной Европы и Северного Кавказа.

Данные предложения по уточнению типологии ряда монументальных объектов в сочетании с геоинформационным анализом, по нашему мнению, при проведении дальнейших исследований могут позволить:

- выявить направление векторов культурного влияния на изучаемых локальных территориях различных регионов, в том числе и за пределами Северного Кавказа;
- систематизировать и уточнить имеющиеся данные по различным регионам;
- частично восполнить утраченный культурно-исторический контекст у некоторых объектов;

- определить дальнейшее направление работы по комплексному изучению монументальных памятников Северного Кавказа и других регионов.

Мы понимаем, что для более детального изучения этих объектов мало одного описания внешнего вида; требуется проведение комплексного анализа с учётом дополнительных идентификационных аргументов (изображения, узоры, данные археологических раскопок, документальных свидетельств и т.д.) с учётом культурно-исторического контекста (включая войны, миграции, религиозную экспансию и т.д.) на каждой локальной территории. Однако в условиях недостатка подобных сведений и в случаях, когда объекты оказываются вырванными из историко-культурного контекста, без понимания особенностей эволюции внешнего вида объектов каменного монументального искусства проводить подобный анализ будет весьма затруднительно.

По этой причине и с учётом предложений по уточнению типологии мы можем предложить в графическом виде вариант укрупнённой модели эволюции и векторов формообразования рассмотренных в настоящей статье объектов каменного монументального искусства на территории Северного Кавказа (рис. 8):

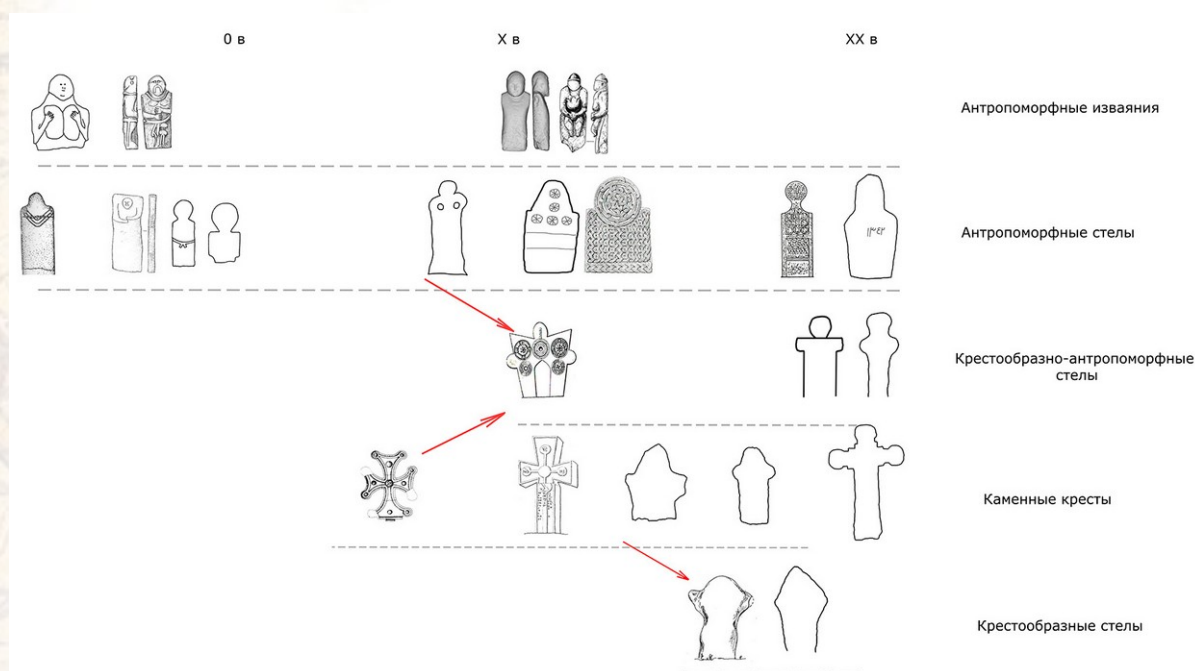

Рисунок 8. Модель эволюции и векторов формообразования объектов каменного монументального искусства на Северном Кавказе¹

Figure 8. Model of evolution and vectors of shaping of stone monumental art objects in the North Caucasus

1 Объекты, прорисовки которых расставлены по временным интервалам, ранее упомянуты в соответствующих разделах статьи, с указанием ссылок по их датировке.

Укрупнённый сравнительный анализ рассмотренных в данной статье объектов даёт нам основания сделать следующие предварительные выводы, которые могут быть использованы при изучении монументальных объектов Северного Кавказа и других территорий:

1. Артефакты из каждой группы — антропоморфные изваяния, каменные кресты и антропоморфные стелы — вероятнее всего, имеют самостоятельный генезис. То есть, несмотря на схожее антропоморфное начало, его визуализация в объектах монументального искусства не начиналась с какого-то единого художественного эталона, а была представлена скорее всего в разных проявлениях.
2. Наиболее длительная и устойчивая форма монументального памятника на территории Северного Кавказа — это антропоморфные стелы, которые активно использовались представителями различных этнических и религиозных групп на протяжении всего рассматриваемого временного периода. Антропоморфные изваяния и каменные кресты в условиях изменений культурно-исторического контекста оказались менее устойчивой формой монументальных памятников. Вероятнее всего, при смене религиозных парадигм объекты этих групп продолжали одновременно использоваться приверженцами разных религиозных культур относительно непродолжительное время.
3. Длительное использование устоявшихся базовых форм монументальных памятников на локальных территориях приводило к их внутригрупповой эволюции, с возникновением внутри каждой группы (в результате внешнего или внутреннего влияния) различных подгрупп и типов монументальных объектов. В случае с антропоморфными стелами такая эволюция чаще всего вела к насыщению и усложнению различных элементов базовой формы. В случае же с каменными крестами, наоборот, порой наблюдались упрощение и даже деградация главных отличительных форм.
4. Со временем, особенно в связи с изменением культурно-религиозных традиций, происходило формирование новых, стилистически смешанных типов объектов (межгрупповое смешение), которое обычно носило ограниченный и недолговечный характер.

Благодарности

Авторы выражают свою признательность за помощь, оказанную при поиске объектов в условиях горной местности, сотрудникам ГБУ «Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» Чеченской Республики Рамзану Баканаеву, Саиду Амагову и Магомеду Яхьяеву; сотрудникам ГКУ «Джейрахско-Ассинский государственный

историко-архитектурный и природный музей-заповедник» Ингушской Республики — Ахмедхану Сампиеву и Зияутдину Гуражеву.

Список литературы

- Ślupecki, L. P. (1994). *Slavonic Pagan Sanctuaries*. Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences.
- Акчокраклы, О. (1929). Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.). В Н. А. Эрнст (Ред.), *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии* (Т. 3, сс. 152–159). 1-я Гостинополитография Крымполиграфтреста.
- Албегова, З. Х., Магомедов, Р. Г., & Таймазов, А. И. (2014). Стелы Гоцатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII вв. В Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. (сс. 309–311). Институт археологии Российской академии наук.
- Атаев, Д. М. (1959). Каменные кресты из окрестностей Хунзаха. В *Материалы по археологии Дагестана* (Т. 1, сс. 182–185). Институт истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы.
- Базоркин, М. М. (1964). *Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии*. Чечено-Ингушское книжное издательство.
- Вилахское каменное изваяние (Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации No. 201711295570005). (2013). <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn#a:eyJkYXRhc2V0IjojNTc3NTg0MDlmMGFIY2FjZDdmZDE4OTQ3IiwidGFiljoiYnVpbGRfdGFibGUiLCJ2ZXJzaW9uIjojNjdhdjE1MWEzZTI4ZjQwYTU0ZmQ2YjhhIiwidGV4dEZpbHRlcil6IjIwMTcxMTU3MDAwNSJ9>
- Виноградов, В. Б. (1977). Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. В *Археология и вопросы атеизма* (сс. 59–67). Чечено-Ингушский государственный университет.
- Волошинов, А. А. (2015). Надгробная и votивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника. *История и археология Крыма*, 2, 270–294.
- Гаджиев, М. Г., & Маммаев, М. М. (1977). Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака. В М. Г. Гаджиев (Ред.), *Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Материалы по археологии Дагестана*: Т. VI (сс. 52–57). Институт истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы.
- Геннеп, А. ван. (1999). *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Восточная литература РАН.
- Давудов, О. М., & Давудов, Ш. О. (2023). *Археологические памятники Шахсенгера*. Издательство Алеф.
- Давудов, Ш. О. (2002). *Археологические исследования вблизи дагестанского селения Башлыкент*. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.
- Дебиров, П. М. (1966). *Резьба по камню в Дагестане*. Наука.
- Зиссерман, А. Л. (1879). *Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Часть первая. 1842–1851*. Типография А. С. Суворина.

- Исаев, С. Х. (2014). Надмогильные камни (чурты) с петроглифами из горной Чечни. В Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. (с. 353–355). Институт археологии Российской академии наук.
- Кобычев, В. П. (1979). Храмов древние стены... Советская этнография, 4, 137–150.
- Комаров, К. И., & Елкина, А. К. (1976). Курганный могильник в окрестностях г. Старица. В Восточная Европа в эпоху камня и бронзы (с. 226–238). Наука.
- Кузнецов, В. А. (2002). Христианство на Северном Кавказе до XV в. Ир.
- Кузнецова, А. Я. (1982). Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Эльбрус.
- Ложкин, М. Н., & Малахов, С. Н. (1998). Средневековые каменные кресты Поурупья. Историко- археологический альманах Армавирского краеведческого музея, 4, 136–140.
- Магомедов, М. Г. (1979). Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта. Советская археология, 3, 186–202.
- Малахов, С. Н. (2021). Кресты на антропоморфных изваяниях Северного Кавказа: Датировка и символика. В Из истории культуры народов Северного Кавказа (с. 189–199). Печатный двор.
- Малахов, С. Н., & Нарожный, Е. И. (1997). О находках каменных крестов на территории Средней Кубани. В Четвертые чтения по археологии Средней Кубани (с. 17–20). Армавирское полиграфпредприятие.
- Марковин, В. И. (1963). Чеченские средневековые памятники в верховьях Чанты-Аргуна. В Е. И. Крупнов (Ред.), Древности Чечено-Ингушетии (с. 274–278). АН СССР.
- Марковин, В. И. (1972). Дагестанские резные стелы. Сообщения Государственного музея искусств народов Востока, 5, 23–45.
- Марковин, В. И. (1994). Каменная летопись страны вайнахов. Русская книга.
- Марковин, В. И., & Мунчаев, Р. М. (1964). Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. Советская археология, 1, 158–164.
- Миллер, В. Ф. (1888). Терская область: Археологические экскурсии Всев. Миллера. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Выпуск 1. Типография А.И. Мамонтова.
- Миллер, В. Ф. (1893). Отголоски кавказский верований на могильных памятниках. В Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Выпуск 3 (с. 119–136). Типография А.И. Мамонтова.
- Молева, Н. В. (2012). Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межкультурные коммуникации во времени и пространстве. Издательство Нижегородского университета.
- Мужухоев, М. Б. (1977). Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии. Советская археология, 4, 295–301.
- Ольховский, В. С., & Евдокимов, Г. Л. (1994). Скифские изваяния VII–III вв. До н.э.
- Опись памятников культуры, расположенных у входа в здание ИИАЭ ДФИЦ РАН. (2020). <https://instituteofhistory.ru/blog/articles/opis-pamyatnikov-kultury-raspolozhennyh-u-vhoda-v>

- От редакции. (1898). В *Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества*. Выпуск 7. Христианские памятники (сс. 137–142). Типография А.И. Мамонтова.
- Охонько, Н. А. (2021). *Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации* (2-е, дополненное изд.). Дизайн-студия Б.
- Плетнева, С. А. (1974). *Половецкие каменные изваяния*. Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е4-2. Наука.
- Потравнов, А. Л., & Хмельник, Т. Ю. (2018). *Безмолвные стражи прошлого: Монументальные каменные кресты*. Вече.
- Потравнов, А. Л., & Хмельник, Т. Ю. (2023). О распространении каменных крестов на Северном Кавказе. В *Аланское православие и культура. Сборник материалов XI Свято-Георгиевских чтений*. Выпуск V (сс. 128–138). Издательство Северо-Осетинского государственного университета.
- Прозрителев, Г. Н. (1906). *Древнехристианские памятники на Северном Кавказе*. Типография наследников Берк.
- Скржинская, Е. Ч. (1971). *Барбаро и Контарини о России*. Наука.
- Спицын, А. А. (1903). Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. В *Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества* (Т. 5, сс. 203–234). Типография И.Н.Скороходова.
- Стоянов, Р. В. (2010). Антропоморфные надгробия в погребальной практике греков и варваров в VII–II вв. До н.э. *Российская археология*, 4, 36–45.
- Тэрнер, В. (1983). *Символ и ритуал*. Наука.
- Фиркович, А. С. (1857). Археологические разведки на Кавказе. В *Записки Императорского Археологического общества*: Т. IX (сс. 371–405). Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг.
- Формозов, А. А. (1965). О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. *Советская этнография*, 6, 177–181.
- Чахкиев, Д. Ю. (2003). *Древности горной Ингушетии* (Т. 1). Кавказская здравница.
- Чеченов, И. М. (1973). *Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. До н.э.)*. Эльбрус.
- Чеченов, И. М. (1987). Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа. В *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии* (Т. 3, сс. 40–169). Эльбрус.
- Щепинский, А. А. (1958). Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. *Советская археология*, 2, 143–148.

References

- Akchokrakly, O. (1929). Old Crimea Inscriptions (Based on the 1928 Excavations). In N. A. Ernst (Ed.), *Proceedings of the Tavrida Society of History, Archaeology, and Ethnography* (Vol. 3, pp. 152–159). 1st State Political Printing House of the Krympoligraftrest. (In Russian).
- Albegova, Z. Kh., Magomedov, R. G., & Taimazov, A. I. (2014). Stelae of the Gotsatlinsky (Ortokolinsky) 1st Settlement, 10th–12th centuries. In E. I. Krupnov and the Development of Archaeology of

- the North Caucasus. 28th Krupnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, April 21–25, 2014 (pp. 309–311). Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Ataev, D. M. (1959). Stone Crosses from the Vicinity of Khunzakh. In *Materials on the Archaeology of Dagestan* (Vol. 1, pp. 182–185). Gamzat Tsadasa Institute of History, Language, and Literature. (In Russian).
- Bazorkin, M. M. (1964). *Medieval Monuments in Mountainous Chechen-Ingushetia*. Chechen-Ingush Book Publishing House. (In Russian).
- Chakhkiev, D. Yu. (2003). *Antiquities of Mountainous Ingushetia* (Vol. 1). Kavkazskaia zdravitsa. (In Russian).
- Chechenov, I. M. (1973). The Nalchik Under-Kurgan Tomb (3rd Millennium BCE). Elbrus. (In Russian).
- Chechenov, I. M. (1987). New Materials and Studies on Medieval Archaeology of the Central Caucasus. In *Archaeological Research at New Construction Sites in Kabardino-Balkaria* (Vol. 3, pp. 40–169). Elbrus. (In Russian).
- Davudov, O. M., & Davudov, Sh. O. (2023). *Archaeological Monuments of Shakhseger*. Alef Publishing House. (In Russian).
- Davudov, Sh. O. (2002). *Archaeological research near the Dagestani village of Bashlykent*. Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Debirov, P. M. (1966). *Stone Carving in Dagestan*. Nauka. (In Russian).
- Firkovich, A. S. (1857). Archaeological Surveys in the Caucasus. In *Notes of the Imperial Archaeological Society* (Vol. IX, pp. 371–405). Printing House of the Expedition for the Preparation of State Papers. (In Russian).
- Formozov, A. A. (1965). On the Earliest Anthropomorphic Stelae of the Northern Black Sea Region. *Soviet Ethnography*, 6, 177–181. (In Russian).
- From the editors. (1898). In *Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by Expeditions of the Moscow Archaeological Society* (Issue 7: Christian monuments, pp. 137–142). A. I. Mamontov Printing House. (In Russian).
- Gadzhiev, M. G., & Mammaev, M. M. (1977). A Stone Anthropomorphic Statue from Ekibulak. In M. G. Gadzhiev (Ed.), *Ancient Monuments of the Northeast Caucasus. Materials on the Archaeology of Dagestan* (Vol. VI, pp. 52–57). Gamzat Tsadasa Institute of History, Language, and Literature. (In Russian).
- Inventory of Cultural Monuments Located at the Entrance to the Building of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of RAS.* (2020). <https://instituteofhistory.ru/blog/articles/opis-pamyatnikov-kultury-raspolozhennyh-u-vhoda-v> (In Russian).
- Isaev, S. Kh. (2014). Tombstones (Churty) with Petroglyphs from Mountainous Chechnya. In E. I. Krupnov and the Development of Archaeology of the North Caucasus. 28th Krupnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, April 21–25, 2014 (pp. 353–355). Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kobychev, V. P. (1979). Ancient Temple Walls... *Soviet Ethnography*, 4, 137–150. (In Russian).
- Komarov, K. I., & Elkina, A. K. (1976). A Kurgan Cemetery in the Vicinity of Staritsa. In *Eastern Europe in the Stone and Bronze Ages* (pp. 226–238). Nauka. (In Russian).

- Kuznetsov, V. A. (2002). *Christianity in the North Caucasus Up to the 15th Century*. Ir. (In Russian).
- Kuznetsova, A. Ya. (1982). *Folk Art of the Karachays and Balkars*. Elbrus. (In Russian).
- Lozhkin, M. N., & Malakhov, S. N. (1998). Medieval Stone Crosses of the Pourupye Region. *Historical-Archaeological Almanac of the Armavir Local History Museum*, 4, 136–140. (In Russian).
- Magomedov, M. G. (1979). Early Medieval Churches of Upper Chiryurt. *Soviet Archaeology*, 3, 186–202. (In Russian).
- Malakhov, S. N. (2021). Crosses on Anthropomorphic Statues of the North Caucasus: Dating and Symbolism. In *From the History of the Culture of the Peoples of the North Caucasus* (pp. 189–199). Pechatnyi dvor. (In Russian).
- Malakhov, S. N., & Narozhnyi, E. I. (1997). On Finds of stone Crosses in the Middle Kuban Region. In *Fourth Readings on the Archaeology of the Middle Kuban* (pp. 17–20). Armavir Printing Enterprise. (In Russian).
- Markovin, V. I. (1963). Chechen Medieval Monuments in the Upper Reaches of the Chanta-Argun. In E. I. Krupnov (Ed.), *Antiquities of Chechen-Ingushetia* (pp. 274–278). Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Markovin, V. I. (1972). Dagestani Carved Stelae. *Communications of the State Museum of Oriental Art*, 5, 23–45. (In Russian).
- Markovin, V. I. (1994). *The Stone Chronicle of the Land of the Vainakhs*. Russkaia Kniga. (In Russian).
- Markovin, V. I., & Munchaev, R. M. (1964). Stone Statues from Chechen-Ingushetia. *Soviet Archaeology*, 1, 158–164. (In Russian).
- Miller, V. F. (1888). *Terek Oblast: Archaeological Excursions of Vsevolod Miller. Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by Expeditions of the Moscow Archaeological Society* (Issue 1). A. I. Mamontov Printing House. (In Russian).
- Miller, V. F. (1893). Echoes of Caucasian Beliefs on Funerary Monuments. In *Materials on the Archaeology of the Caucasus Collected by Expeditions of the Moscow Archaeological Society* (Issue 3, pp. 119–136). A. I. Mamontov Printing House. (In Russian).
- Moleva, N. V. (2012). *Bosporan Anthropomorphic Statues: Cross-Cultural and Interethnic Communications in Time and Space*. Publishing House of Nizhny Novgorod University. (In Russian).
- Muzhukhoev, M. B. (1977). Anthropomorphic Funerary Stelae of Muslim Cemeteries of Chechen-Ingushetia. *Soviet Archaeology*, 4, 295–301. (In Russian).
- Okhon'ko, N. A. (2021). *The Kyafar Mausoleum of an Alan ruler of the 11th Century and Issues of Its Interpretation* (2nd expanded ed.). Design Studio B. (In Russian).
- Olkhovskii, V. S., & Evdokimov, G. L. (1994). *Scythian Stone Statues of the 7th–3rd Centuries BCE*. (In Russian).
- Pletneva, S. A. (1974). *Polovtsian Stone Statues*. Archaeology of the USSR: Corpus of archaeological sources (Issue E4-2). Nauka. (In Russian).
- Potravnov, A. L., & Khmel'nik, T. Yu. (2018). *Silent Guardians of the Past: Monumental Stone Crosses*. Veche. (In Russian).
- Potravnov, A. L., & Khmel'nik, T. Yu. (2023). On the Distribution of Stone Crosses in the North Caucasus. In *Alan Orthodoxy and Culture: Proceedings of the 11th St. George Readings* (Issue V, pp. 128–138). Publishing House of North Ossetian State University. (In Russian).

- Prozritelev, G. N. (1906). *Early Christian Monuments in the North Caucasus*. Printing House of the Heirs of Berk. (In Russian).
- Shchepinskii, A. A. (1958). A New Anthropomorphic Stela of the Bronze Age in Crimea. *Soviet Archaeology*, 2, 143–148. (In Russian).
- Skrzhinskaia, E. Ch. (1971). *Barbaro and Contarini on Russia*. Nauka. (In Russian).
- Słupecki, L. P. (1994). *Slavonic Pagan Sanctuaries*. Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences.
- Spitsyn, A. A. (1903). A Note on Stone Crosses, Primarily Novgorodian Ones. In *Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society* (Vol. 5, pp. 203–234). I. N. Skorokhodov Printing House. (In Russian).
- Stoianov, R. V. (2010). Anthropomorphic Tombstones in the Funerary Practice of Greeks and Barbarians in the 7th–2nd Centuries BCE. *Russian Archaeology*, 4, 36–45. (In Russian).
- The Vilakh Stone Statue* (Information from the Unified State Register of Objects of Cultural Heritage [Monuments of History and Culture] of the Peoples of the Russian Federation No. 201711295570005). (2013). <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn#a:eyJkYXRhc2V0IjoNTc3NTg0MDlmMGFIY2FjZDdmZDE4OTQ3liwidGFiljoiYnVpbGRfdGFibGUiLCJ2ZXJzaW9uIjojNjdhMjE1MWEzZTI4ZjQwYTU0ZmQ2YjhhliwidGV4dEZpbHRlcil6IjIwMTcxMTI5NTU3MDAwNSJ9> (In Russian).
- Turner, V. (1983). *Symbol and Ritual*. Nauka. (In Russian).
- van Gennep, A. (1999). *The Rites of Passage: A Systematic Study of Rites*. Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Vinogradov, V. B. (1977). Some Aspects of Contemporary Study of medieval Cult Monuments of Chechen-Ingushetia. In *Archaeology and Questions of Atheism* (pp. 59–67). Chechen-Ingush State University. (In Russian).
- Voloshinov, A. A. (2015). Funerary and Votive Sculpture of the Alma-Kermen Hillfort and the Zavetninskii Cemetery. *History and Archaeology of Crimea*, 2, 270–294. (In Russian).
- Zisserman, A. L. (1879). *Twenty-Five Years in the Caucasus (1842–1867). Part One: 1842–1851*. A. S. Suvorin Printing House. (In Russian).